

The background of the entire page is a painting. It depicts a landscape during the 'golden hour' of sunset or sunrise. The sky is filled with soft, wispy clouds in shades of blue, white, and pale yellow. Below the sky, a range of mountains is visible, their peaks and ridges softened by a hazy atmosphere. The mountains are rendered in warm tones of orange, yellow, and brown. In the foreground, there is a dense thicket of bare, dark trees with intricate branch structures, silhouetted against the lighter background. The overall mood is serene and atmospheric.

Лев Альтмарк

ТЕНЬЕ
КУЗНЕЧИКОВ НА
НОЧНОЙ ДОРОГЕ

Лев Альтмарк
Пение кузнечиков
на ночной дороге

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18514492
ISBN 9785447476502

Аннотация

Добро и зло – где грань между ними? Что заслуживает поощрения и что наказуемо? Прислушайся, может, на твоей дороге уже запели кузнечики?..

Содержание

Хреновый детектив

5

Конец ознакомительного фрагмента.

82

Пение кузнечиков на ночной дороге Лев Альтмарк

© Лев Альтмарк, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Хреновый детектив

*Всё, что со мною было прежде,
Останется на рубеже.
Но – как последняя надежда, —
Частица Г-да в душе...*

1.

...Ну, и козёл же этот Файнберг! Срань несчастная, поц сморщенный! Это ж надо, меня – МЕНЯ! – на которого молиться должен за то, что вытащил в люди и на ноги поставил, взял и кинул без зазрения совести, как последнюю девку-трёшницу у пивного ларька, и «спасибо» не сказал! Впрочем, я ничему не удивляюсь, потому что это вполне в его стиле. В стиле современных бойких ребятишек, которые берут от тебя всё, что им нужно, а потом и знать тебя не знают. Пока ты нужен, перед тобой на цыпочках ходят, а потом... Хотя я и сам баран порядочный, если не просчитал его с самого начала. А ведь мог, приглядишься к нему чуть внимательней да не будь таким доверчивым...

И ведь купил он меня на элементарном! Я его сам, своими руками, сделал заместителем в Еврейском культурном центре, где был бессменным руководителем со дня основания. А кого мне, скажите на милость, было поначалу опасаться? Я же это общество единолично заварил, тридцать три по-

та пролил, пока все инстанции в одиночку прошёл, доказывая, что мы – не липа, а вполне работоспособная структура, потом деньги выбил из Сохнута и из богатеньких местных спонсоров-буратино, офис оборудовал, объявления по газетам распечатал, всевозможные образовательные и культурные программы раскрутил в городе – да разве этого мало?! Потом уже штатом обрастать начал, помощничками, мать их, вроде этого Файнберга...

Первое время опасаться мне действительно было некого: работали помощнички слабовато, специфики работы с нашими драгоценными городскими евреями не знали, зато деньги получать ой как любили. А на каком дереве растут эти деньги, и какие круги ада я при этом каждый раз прохожу, объясняя, что не себе в карман кладу, это их волновало весьма мало. Да я и не обучал их высшему пилотажу, оно мне надо? Кроме того, тут одной бойкости и хорошо подвешенного языка маловато, нужен авторитет, нужны связи и знакомства. Да ещё умение в нужный момент и в нужном месте помозолить глаза тем, кто сидит на раздаче зелёных купюр. Я же к этому животворному источнику не месяц и не два подбирался, по первому свистку летел на всевозможные тусовки во все концы страны, письма спонсорам строчил чуть ли не километрами, спину гнул, да так, что до сих пор косточки ломит... Постепенно узнали меня, привыкли к моей физиономии и доверять начали, а кое в чём уже советовались, как со спецом. Вот мне и карты в руки.

А тем бойким юношам, что пришли в Еврейское общество следом за мной, – им ещё предстоит свою тропу в джунглях протоптать. Джунгли – на то и джунгли, чтобы протоптанная другими тропа не всегда вела к успеху каждого встречного-поперечного самозванца. Без смекалки тут запросто ноги протянешь или тебя другие, более зубастые хищники запросто схомячат. В любом деле своя специфика.

Марик Файнберг приглянулся мне с самого начала. Глазки наивные и восторженные, сверкают, как только что отчеканенные пятаки, в которых отражается синее иерусалимское небо, костюмчик хоть и не богатый, но аккуратный, щепетильность и точность бухгалтерские, а я, между прочим, страсть как не люблю в бумажках копаться. А ведь надо – офис открыли, письма и бумаги казённые туда-сюда полетели, в дела их подшивать требуется, ответы и отчёты строчить – чувствую, закапываюсь в бумажном болоте по уши. Одно из двух: или что-то живое делать и крутиться белочкой в колесе, или барабанить день-деньской сочинения на канцелярские темы. Аж, одно время по утрам просыпаться не хотелось от такой бумагомарательной перспективы!

Тут-то он мне и пригодился. Зарплата для меня, говорит, не главное, мне важно, мол, служить великому делу возрождения еврейского народа, пользу по сионистской части людям приносить. Завернул, подлец, даже цитатки из Герцля и Бубера, а последнего, к слову сказать, я читал ой с каким скрипом, и разрази меня гром, если я что-то понял из прочи-

танного. Когда же он заявил, что больше всех на свете обо-
жает Жаботинского, то покори́л моё сердце окончательно.
От кого-от кого, а от Жаботинского я действительно без ума.
Этот писал без философствований – сила, напор и абсолют-
ная уверенность в собственной правоте...

Одним словом, сбросил я на него всю писанину и бухгал-
терию, а сам остался вроде свадебного генерала, то есть, по-
прежнему раскатывал по тусовкам, пил с господами фурше-
ты, трахал эмансипированных заезжих израильтянок в два
раза старше меня по возрасту и в два раза больше по габари-
там, и в ус не дул. Плоды, как говорится, пожинал. Надеял-
ся, что тылы мои надёжно прикрыты, и трудолюбивый клерк
в офисе пашет как папа Карло. Даже в моё августейшее от-
сутствие.

Здесь-то он мне козу спустя некоторое время и подстроил.
Этот серенький пиджачок оказался ещё тем жуком. Очень
быстро он пронюхал, как вставлять в тот или иной докумен-
тик свою фамилию, чтобы она запечатлелась в чьей-то на-
чальственной памяти, перекатал в записную книжечку нуж-
ные адреса и телефончики, покукарекал потихоньку с кем
следует, прикрываясь мной, как козырем, и, гляжу вскоре,
начали его приглашать на тусовки не реже моего, а со вре-
менем даже чаще. Я возмутился было, дескать, что это за са-
модеятельность, только он и здесь нашёлся, сказал, что дер-
жавный Сохнут уже положил на него глаз и зажимать моло-
дого перспективного кадра никому не позволит. Поскрипел

я зубами, помянул Сохнут добрым матерщинным словом, да никуда не денешься. Шестерёнки пошли крутиться.

А он, сволочь такая, не только вширь, но и вглубь пошёл. Божьих одуванчиков, старичков-активистов из синагоги, на свою сторону переманил, а уж тем только повод дай позубоскалить. Коммунистического задора и комсомольской энергии в них на два поколения вперёд хватит. Пока я по привычке представлял на каком-то семинаре, Файнберг собрание общины созвал и так хитроумно доклад свой гадючий выстроил, что вышло, будто я никакой особой пользы общине больше не приношу, а только сосу из неё соки, как помещик из крепостных крестьян. Стоило мне вернуться, как синагогальные старички вкупе с розовой молодёжью, которая всегда в оппозиции, меня чуть с гавном не съели. Революция, блин, началась, октябрьский переворот. Которые тут временные, слазь...

В результате всех этих не шибко хитроумных комбинаций скинули меня со всех постов, обзвонили столичных начальников, мол, я уже никто и дел со мной иметь не следует, даже ключ от офиса коллективно изъяли и передали секретарше Лене, которую я тоже в своё время разыскал и пригласил на работу. Вот как хитро обтяпали!

Но полным дураком Файнберг окажется, если решит, что я так легко крылышки опущу. Он хитрый, а я битый, даром что ли столько тусовок прошёл и столько водки на брудершафт с нужными людьми выпил! Посмотрим, чья возьмёт.

Существует масса способов приструнить негодяя. Можно по начальству пройтись с разъяснениями и челобитными, можно с рядовыми членами общины нравоучительные беседы провести, только я решил, что это муторно и, главное, результат непредсказуем: я-то отлично знаю, как тяжело убеждать в том, что ты не верблюд, если на тебя уже пальцем показывают. Изю всех способов я выбрал самый быстрый и самый жестокий – потреплю-ка нервы этому тихоне. Оно, может быть, и не совсем порядочно, но – на войне как на войне. Состряпаем подмётное письмо от имени каких-нибудь мифических антисемитов – такое проймёт кого угодно. Мне в своё время немало подобных писем приходило. И оскорбляли в них, и угрожали, и погромы обещали, а пару раз даже какая-то пьянь в офис заваливалась, только мне всегда везло, и я выкручивался. Не скажу, что я Рембо или Брюс Ли какой-нибудь и что поджилки у меня не тряслись от страха, ведь очко-то, оно не железное, но... худо-бедно обходилось. А вот как Файнберг, этот интеллигентик щупленький, будет прыгать от ужаса да икру метать – это ещё вопрос. По-настоящему ему в подобных переделках быть ещё не приходилось, и бумажек подобных он в руках не держал, ведь оберегал я его от таких мерзостей, всё на себя принимал. Вот и сберёг на свою голову.

Гнусно, конечно, сочинять письма от имени придуманного психа-юдофоба, рука не поднимается – да охота пуще неволи. Надеюсь, о моём грешке никто узнает, а узнают –

сведу к хохме, скажу, что пошутил неудачно. Но этому гаду нервишки потреплю. Терять-то мне больше нечего. И так всё отняли.

Чтобы не вычислили по почерку, буду писать печатными буквами. Что писать – не проблема, подобной бредятины я начитался вволю. Могу даже консультантом в каком-нибудь филиале новоявленного Союза Михаила-Архангела подрабатывать. Если, конечно, окончательно с ума не поеду.

Детективы я иногда почитывал, поэтому старался предусмотреть всевозможные варианты. Писать надо в перчатках, ведь дело-то нешуточное: отнесёт Файнберг с испугу письмо в милицию, а там, если копать начнут (у них иногда бывает и такое просветление!), то могут и до отпечатков пальцев на бумаге добраться. Если уж делать гадости, то чтобы чисто, без сучка без задоринки.

Писем, решил я, сварганим три: одно непосредственно Файнбергу, другое в офис нашего общества, третье самому себе, чтобы – как это в детективах называется? – у меня было полное алиби. Ничего, мол, не знаю, сам в таком же стрёмном положении. Текст писем приблизительно одинаковый, но должен быть обязательно корявым и с грамматическими ошибками. Пусть думают, что писал человек, для которого легче дать кому-то по репе, чем сочинить пару строк. Так страшней.

Короче, пишем:

«Жидовские морды! Если не уберётесь со своим культур-

ным обществом в свой Израиль, мы вам кишки выпустим и на башку намотаем. Так и знайте, сроку вам – три дня. Хватит пить нашу христианскую кровь, иуды...»

И подпись изобретём позаковыристей, в стиле дегенерата-десятиклассника, онанирующего от собственной смелости. Что-нибудь вроде «Боевой дружины по борьбе с иудейской заразой».

Дело мастера боится, раз-два – и готово. Остаётся лишь заклеить конверты и отправить по почте. Хотя, если говорить по правде, когда я опускал письма в почтовый ящик, рука моя дрогнула, а на сердце стало тоскливо и мерзко, будто я делал это с больной головы или не по своей воле. Но на полдороге останавливаться глупо. Раз уж заварил кашу, то сам и расхлёбывай, если понадобится.

Конечно, непорядочно я поступаю и подло, но, если говорить по существу, Файнберг тоже запрещёнными приёмами пользовался, только более нагло и прямолинейно. Чем мои подмётные письма отличаются от его шушуканий за моей спиной? Так что мы в какой-то степени теперь квиты.

После отправки писем я несколько успокоился. А чего теперь комплексовать – птичка улетела, и назад её не вернёшь! Сиди да жди результатов.

Через день, как и планировалось, я получил собственное письмо. Немного помяв, словно прочитал его в сильном волнении, я спрятал конверт в карман и принялся ждать дальше. Посмотрим теперь на реакцию этого прохвоста. В том,

что Файнберг тотчас надует в штаны, сомневаться не приходилось. Обязательно начнёт мне звонить, забыв про гробовое молчание с самого начала нашего конфликта, будет искать во мне союзника против неведомой угрозы. Тут-то я и разгуляюсь по полной программе. Он у меня ботинки лизать станет, лишь бы я помог. Побежит в милицию? Что ж, его право, хотя не такой он дурак, чтобы искать там помощь. В милиции над ним наверняка посмеются. Нашим доблестным блюстителям не хватает времени разгребать уже совершённые преступления, а тут только угроза. Да и смекалки у них традиционно хватает только разбуянившихся алкоголиков кошмарить, карманы у них выворачивать да за молодняком с наркотой по подвалам охотиться. До остального руки не доходят.

Два часа я просидел у телефона, но звонка от Файнберга так и не дождался. Наконец, не выдержав, принялся названивать сам. Ничего, это только упрочит моё алиби, пускай думают, что я на первых порах тоже растерялся и к ним, благодетелям, за советом обратился. Детектив так детектив, поиграем в эту игру!

Дома Файнберга не оказалось, а его жена Наташка была, как видно, не в курсе дел. Единственное, что удалось из неё вытащить: перед обедом муж достал из почтового ящика какое-то письмо, страшно переполошился и помчался в офис, даже не пригубив супа.

Замечательно, отметил я про себя, всё идёт по плану. Те-

перь подождём сигнала из офиса, где перепуганного Файнберга наверняка дожидается ещё одно весёленькое послание.

Я сварил кофе, включил телевизор, удобно устроился на диване и час провёл вполне комфортабельно, фантазируя, какие бури сейчас бушуют в душе у этого засранца и какие авралы он наводит сейчас среди своих единомышленников.

Но час прошёл, и бессмысленное ожидание начало приедаться. Может, самому выяснить, что происходит в офисе? Позвонить туда, а лучше всего не звонить, а просто прогуляться и заглянуть как бы невзначай. Уж, тогда-то я в полной мере наслажусь муками патентованного труса и разыграю гениально отрежиссированную финальную сцену трагикомедии под названием «Возвращение блудного сына к жирной кормушке» со слёзным громогласным покаянием Файнберга, вылизыванием моих ботинок и возвращением собственного статус-кво на престоле нашего маленького королевства.

Легкомысленно насвистывая, я вышел на улицу, и хорошее настроение не покидало меня всю дорогу. Лишь подойдя к двери квартиры, которую сам же в своё время арендовал под офис, я немного помрачнел, припомнив, что ключа у меня больше нет. Ну, да ничего, скоро всё изменится, изысканный ключ вернут на бархатной подушечке, а пока мы не гордые, минутку потопчемся у двери, музицируя на кнопке звонка. В офис приходит уйма людей, и всем открывает секретарша Лена, но даже в приёмные часы дверь лучше не держать нараспашку во избежание нежелательных гостей. Скоро уже

не нужно будет ждать, пока Лена оторвётся от пишущей машинки, одёрнет вечно задирающуюся короткую юбочку и лениво процокает каблучками по коридору.

Мне пришлось позвонить дважды и простоять минут пять, по-бараньи плясая в писанную собственной рукой табличку «Еврейское культурное общество», но знакомого цокота каблучков за дверями так и не раздалось. Машинально отметив, что в четыре часа дня заканчивать работу несколько рановато, я толкнул дверь и с удивлением обнаружил, что она не заперта.

Что это за новости, недовольно подумал я. Хотя сюда вход никому и не заказан, но так безалаберно не закрывать дверь не годится. Мало ли что. При мне такого бардака не было.

Едва шагнув в прихожую, я сразу понял, что здесь что-то неладно. Штора, прикрывающая нишу с вешалкой для пальто, сорвана, красочный плакат с видом ночного Яффо изорван в клочки, запор на двери в туалет с мясом вырван и болтается на одном шурупе.

В комнате картина оказалась ещё более устрашающей. Перво-наперво, в глаза бросились книги, выброшенные из большого стеллажа – предмета моей гордости, выцыганенного из списанного имущества бывшего горкома партии. У нас довольно большая библиотека из книг, присланных Сохнутом, и из книг, оставленных отъезжающими, но лишь за последние месяцы Лена худо-бедно навела среди них порядок, завела каталог и карточки читателей. Сейчас же кни-

ги были раскиданы, а многие разорваны и потоптаны.

Но главное было не в книгах. На моём бывшем письменном столе, уткнувшись лицом в бумаги, лежал Марик Файнберг. Вокруг его головы страшным бурым овалом растеклась полузасохшая кровь. Так неподвижно лежать мог только мертвец.

2.

Не раз в детективах я встречал описание убитого человека. Что и говорить, любят писатели подробно и со вкусом рассказывать о трупах. Какой-то нездоровый интерес к мертвечине. Мне казалось, что я, никогда в жизни не лишивший жизни даже муху, с ума сойду при видеэтакого леденящего душу зрелища.

Но всё оказалось проще и банальней. С ума я не сошёл и даже не особенно растерялся, будто прежде встречал трупы на каждом шагу. Конечно, мне доводилось видеть и сбитых машиной и выпавших из окна высотного дома, и те трупы выглядели намного страшней и безобразней, притом вокруг были люди, много людей, и их крики и плач нагнетали ужас, от которого любого бы зазнобило. Но там была совсем иная ситуация.

Сегодня я чувствовал себя вполне спокойно, лишь стали немного подрагивать руки да началась какая-то странная икота. Я даже принимался, потому что не к месту вспомнил, что у крови есть запах, однако никакого запаха не ощутил. Я

беспомощно огляделся по сторонам, не останавливая взгляда ни на сорванном со стены бело-голубом флаге, ни на вывернутых из письменного стола ящиках, ни на разбросанных повсюду папках с документами, ни на расколотом горшке с любимым кактусом Лены. В самом кошмарном сне я не представлял подобную картину, и вот, наконец, удостоился лицезреть это чудо наяву.

Подойдя к мёртвому Марику, я зачем-то потряс его за руку. Из-под локтя выглянул край знакомого конверта. Видно, Файнберг читал моё дурацкое послание перед самой смертью. Другое письмо, адресованное ему, наверняка лежало в кармане пиджака, но проверять это не хотелось, да я и не смог бы обыскивать карманы покойника.

Кто же это сделал? Голова отказывалась соображать, мысли крутились туго, и пришлось даже сесть в кресло напротив стола, но долго усидеть я не мог.

Может, какой-то совсем уже отмороженный придурок решил, что у нас тут горы денег? Ведь всерьёз же считает кто-то, что Запад заваливает наши еврейские общества дармовыми баксами, на которые мы, голозадые функционеры еврейского движения, можем строить себе дворцы и кататься на кадиллаках. Кому докажешь, что живём мы на весьма скудные гроши, присылаемые лишь для поддержки штанов, и то нерегулярно. Если это и в самом деле попытка ограбления, то грабитель, вернее, убийца – законченный идиот. В настоящее время в обществе нет не только наличных де-

нег, но даже и на банковском счету.

С другой стороны, – и я сразу обратил на это внимание, – ничего ценного из офиса не исчезло: ни японский магнитофон, ни аудио- и видеокассеты, ни красивые израильские сувениры-побрякушки. Большая ханукальная менора, похожая издали на серебряную, валяется в углу, только погнута и смята от сильного удара.

Выходило, что мои письменные обещания самым невероятным образом воплотились в реальность. Кто-то, по странному совпадению, осуществил эти дурацкие угрозы. Вот уж, как говорится, накаркал так накаркал!

Необходимо срочно поднимать шум. Ничего другого в голову пока не приходило. Едва ли это банальная попытка ограбления и последующего убийства, ведь всё произошло именно в еврейском культурном центре, а не в какой-то другой общественной организации. Кого-кого, а завистников и прямых недоброжелателей у нас пруд пруди.

Рука потянулась к телефону, чтобы звонить в милицию, но я неожиданно решил немного повременить. Наверное, в подобной ситуации человек должен паниковать и метаться из угла в угол, но мной, как ни странно, овладело ледяное спокойствие. Такого за собой я ещё ни разу не замечал. Правда, и в подобной ситуации раньше никогда не оказывался. Позвонить можно и через пять минут, а пока необходимо собраться с мыслями, продумать дальнейшие действия, ведь после моего звонка сразу наедет куча следователей и экспер-

тов, начнётся переполох, и времени уже не останется, а я отныне вынужден буду представлять пострадавшую сторону. Больше некому.

Все наши дразги с Мариком выглядели теперь мелкими и несущественными. Правых и виноватых больше не было, вернее, оставался один виноватый – я, но это вовсе не должно стать предметом обсуждения для кого-то из посторонних. Между собой нам можно ссориться сколько угодно, но зачем сор из избы выносить? Важно сейчас действовать так, чтобы следствие, которое непременно начнёт раскручиваться по следам убийства, не уклонялось только в уголовное русло. Тут наверняка есть что-то кроме уголовщины. Всем наверняка будет выгодно списать это на банальное убийство и неудавшийся грабёж, но причина-то наверняка совсем иная. (Это во мне заговорил функционер еврейского движения, не имеющий право оставлять без последствий любое проявление антисемитизма... Ох уж этот неистребимая бюрократическая подозрительность даже в такие трагические минуты!).

Но где же секретарша Лена? Куда она делась? А ведь она должна была быть в это время в офисе. Внутри у меня всё похолодело от нехороших предчувствий. Заранее готовый к худшему, я заглянул на кухню и в туалет, но там никого не оказалось. Хорошо, если она куда-то вышла до появления убийц Файнберга. На почту, например, или в магазин...

Я снова вернулся в комнату и остановился у стола. Хотя я

человек и не сентиментальный, а скорее циничный и ехидный, но меня почему-то потянуло в патетику:

– Прости меня, Марик! Ещё час назад я желал тебе всяческих пакостей и готов был разорвать тебя на куски. Всё это было, поверь, мышиною вознёй и жалким воплем оскорблённого самолюбия. Я злился на тебя, а точнее, на себя за свою недалёковидность, и во многом переборщил. Но и ты был, согласишься, не подарок, когда выкурил меня из-за этого рокового стола. Не сделай ты этого, может, здесь сейчас лежал бы я. А ты, сам того не желая, принял удар на себя... Трудно сейчас выбирать из двух неправых того, кто более не прав. Однако я остался жив, а ты нет. Лишь сейчас я начинаю понимать, что ты был всё-таки последовательней и принципиальней, каждое дело доводил до конца, и никто никогда не упрекнул тебя в грубости и высокомерии. Поначалу я видел в тебе только мальчика на побегушках, но потом, когда начал проявляться твой характер, признаюсь, втайне даже позавидовал той лёгкости, с которой ты всего добивался. Мне было труднее, когда я всё это раскручивал, а ты пошёл уже по проторенному мной пути. Я это видел и даже хотел тебя придержать, не испортив ни с кем отношений, однако было поздно – джин вырвался из бутылки... Видно, так и должно было случиться, когда-то нужно уступать дорогу. Я этого, естественно, не хотел, тогда тебе пришлось поступать не по-джентльменски. Ведь и ты уже не мог отступить. Впрочем, о чём я говорю сейчас?... Твоя смерть на мно-

гое открыла мне глаза, и лишь такой ужасной ценой я понял, что глупо ссориться по пустякам и давать недругам повод побольнее ударить нас... Ты хотел, Марик, когда-то оказаться в Иерусалиме. Обещаю, твоя жена и твой сынишка увидят Святой город. Я помогу им. Теперь это мой долг. Но сперва разберусь с подонками, чего бы мне это ни стоило...

Идея отомстить за Файнберга, неожиданно посетившая меня во время моего высокопарного монолога, оказалась настолько заманчивой, что я даже забыл о том, что минуту назад собирался звонить в милицию и поднимать шум.

Как отыскать убийц? Милиция этим, конечно, займётся, иного и быть не может, но я должен опередить её или хотя бы помочь в поисках. Это теперь дело принципа. Но рассказывать им о наших трениях с покойным, конечно же, глупо. Это только запутает поиски настоящего убийцы... С чего начать? Будь я детективом, у меня наверняка появились бы какие-то версии и предположения, но тут как ножом отрезало.

Ладно, подумаем об этом позже, а сейчас не мешало бы поискать улики или – как это называется? – вещественные доказательства. Преступник всегда оставляет следы – это я знаю стопроцентно. Детективчики мы тоже почитываем и фильмы про шпионов смотрим. Прежде чем появится милиция и перекроет все ходы и выходы, осмотрим и обнюхаем всё сами.

К моему разочарованию, ни традиционных окурков в пепельнице, ни вырванных пуговиц с клочками материи, ни

отпечатков пальцев на полировке стола найти не удалось. Впрочем, если б я и нашёл что-то, всё равно не знал бы, как этим распорядиться. Вероятно, убийца или убийцы, если их несколько, явились сюда самым обычным способом, обнаружили, что никого в офисе, кроме Файнберга нет, прикончили его, а потом всласть покрушили мебель и раскидали бумаги. Но зачем им это? Ведь убийства с бухты-барахты не совершаются...

О судмедэкспертизе у меня точно такое же представление, как и у любого не очень искущённого читателя детективов, так что о причине смерти я мог судить лишь по развороченному виску трупа. Большого определить я не мог, но и этого для меня было вполне достаточно.

Отойдя подальше от стола, я стал мучительно размышлять, как поступать дальше. Как правило, у книжных детективов в подобных ситуациях полным-полно разных версий и предположений, я же был чист, как стёклышко. Ну, невнимательный я чтец детективных историй – читаю лишь для разгрузки мозгов, когда устану, или в туалете – что ж, мне теперь оставаться у разбитого корыта?!

Но что-то делать всё равно необходимо, потому что переваливать поиски убийц на плечи милиции вовсе не хотелось. Легко, конечно, умыть руки и стать в позу, мол, с вас, профессионалов, и спросим результат. А кто спросит-то? Официальным властям доверять особо не стоит, потому что не раз приходилось убеждаться: польза от контактов с ними

минимальная, и если хочешь завалить какое-то благое начинание, обратись к ним за помощью. Для властей главное – тишь да гладь. Нет сомнений, что если преступников поймают, то постараются выставить обыкновенными уголовниками. Копать что-то помимо уголовщины или связывать причину преступления с антисемитизмом – для наших пинкертонов как зубная боль. Оно им надо? Над ними всегда целая куча начальников, которые со своих высот поглядывают на подчинённых и грозят пальчиком, мол, вы там внизу усердствуйте, но без фанатизма. Задумаются эти пинкертоны над сутью происходящего хоть разок или копнут поглубже, их тотчас приструнят, рты заткнут, отправят уличные драки разнимать и пьяных шоферюг штрафовать. Никому это, по большому счёту, не интересно. Да и дурно это пахнет.

Но каким-то шестым чувством я догадывался, что погром в офисе и убийство Марика – не такое простое дело. Объяснить мотивы преступников только лишь традиционной нелюбовью к евреям, конечно, можно, но ведь это не банальное хулиганство, а убийство, тут и причины наверняка какие-то более серьёзные. Вдруг это звено из какой-то длинной цепочки, о существовании которой можно лишь догадываться? Где-то, может быть, я, а, может, и Марик накосячили, перешли кому-то дорожку – кто теперь узнает? В одном я уверен: дыма без огня не бывает, а уж какой огонь разгорается следом за первым дымком, можно представить. Вероятно,

я несколько сгущаю краски, но события последнего времени давали массу поводов для не особо весёлых размышлений.

Наше Еврейское культурное общество создано пять лет назад, но до позапрошлого года было фактически на птичьих правах, так как в официальной регистрации городские власти нам упорно отказывали. Необходимые для регистрации документы все эти годы пылились в столах у ответственных чиновников, и, может, рано или поздно их сгрызли бы мыши, но позапрошлой весной меня неожиданно вызвали в городскую администрацию, где всё необходимое было подписано и оформлено в течение дня. Слово всех чиновников разом подменили. Что явилось причиной этому, не знаю, но факт оставался фактом.

Можно было бы, наверное, трубить в трубы и кричать о торжестве справедливости, если бы не одно «но». Местный «Союз православного народа» – надоевший всем до тошноты уже только одним своим оригинальным названием, – в отличие от нас никакой официальной регистрации не добивался, но тоже, по сути дела, почти одновременно с нами обрёл право на законное существование, открыв офис и начав выпускать свою газету. До последнего времени дальше криков на своих сходках о «сионистской угрозе» эти ребята не заходили, потому и обращать внимание на них не стоило. Нас то они не трогали, и, похоже, что их воспалённое воображение до поры до времени как-то не сопоставляло мифическую «сионистскую угрозу» и местных миролюбивых тихих евреев.

ев. При случае они с превеликим удовольствием выпивали водку с нашим братом, а ненавистный Израиль был для них так же далёк, как и Антарктида. С такой же решительностью они могли бы, наверное, обличать и королевских пингвинов, получи на это соответствующую отмашку.

В отличие от нас этот «Союз» в официальные структуры, повторяю, не лез. Им хватало популярности и на уровне быдла из пивбара. Ясное дело, что интеллигенция и рабочий класс оказались не так глупы, как хотелось бы некоторым идеологам, и их многие сторонились. Хотя бы уже по причине бросающейся в глаза искусственности. По-настоящему православного в них было маловато: обязательные крестики на шее, упоминание к слову и не к слову всяких рюриков, мономахов и убиенных особ императорской фамилии, хождение, чаще демонстративное, в церковь, ну и, естественно, проклятия в адрес злоумышленников-иноверцев. В иноверцы же попадали не только евреи и мусульмане, но и почему-то украинцы с молдаванами.

Основа же их деятельности состояла в том, что они больше всего на свете любили со вкусом разглагольствовать про то, как прежние коммунистические власти гнобили народ по тюрьмам да лагерям, запрещали посещать церкви, а ненавистные партийцы всячески искореняли из людей дух причастности к великому православному миру. Но это было раньше, а сегодня? Сегодня все запреты сняты, однако хорошо это или плохо? С одной стороны, теперь вроде бы раздо-

лье – мели Емеля, твоя неделя, а с другой – исчез ореол романтики и таинственности, ведь на Руси испокон веков больше всего любят и жалеют тех, кто не в ладу с законом. А тут никаких запретов! Власти вроде бы официально расписались в том, что никого преследовать больше не собираются, так что пришлось отныне ребятам менять тактику, дабы не утратить остатки интереса широких масс пивных трудящихся.

Правда, по отношению к евреям до последнего времени никаких прямых гадостей с их стороны не было, если не считать пьяных мордоворотов, иногда пристающих на улице ко мне и к моим друзьям. Периодически возникающие слухи о тайных боевых организациях, готовящих погромы, несмотря на всю свою абсурдность и неправдоподобность, сделали своё чёрное дело. Многие евреи, поначалу воспрянувшие духом и зачистившие в наш офис, снова пугливо попрятались в своих норках, и осуждать их за это, честное слово, нельзя – настолько глубоко засел в нашем брате вековой страх, что выкорчевать его за один присест невозможно. Для того, собственно говоря, и создаются еврейские культурные общества – бороться с этим страхом, раскрепощать людей, делать их свободными. А уж ехать на историческую родину или не ехать – личное дело каждого.

До прямых конфликтов с «Союзом» у нас пока не доходило, но некоторые городские газеты – этакая безбашенная свобода печати! – в погоне за читателем стали провоцировать назревающий скандал, публикуя материалы то о нас,

то о них. Сколько во всём этом правды, никого не интересовало, а самих журналистов тем более. Всё это охотно заглатывалось публикой, которой уже надоели бесконечные разоблачения свергнутых коммунистических бонз, отставных гебешников и прочего вчерашнего люда. Понятно, что участие в подобном шоу и печатание разоблачительных статей – стрельба по воробьям из пушки, но нам, хотим мы того или нет, тоже необходимо постоянно заявлять о себе (иначе спонсоры перестанут воспринимать нас всерьёз!). Правила игры обязывали идти с «Союзом» и им подобными нос в нос. Я против этого, тем более, всегда считал, что чем меньше их замечаешь, тем меньше к ним всеобщее внимание, но не я заказываю музыку...

Всё это было важно для меня вчера. Проклятия и угрозы, пока они на устах и на бумаге, дело для нас привычное. Кто прав и кто виноват, кто кого гнобит, кто кого ненавидит – всё это пустая риторика... Сегодня убит человек, и это единственное, что серьёзно. Всякие споры и обвинения сегодня отходят на второй план, необходимо искать убийц среди наших недоброжелателей. «Союз» это или нет – пока неизвестно, но иных явных недругов пока не просматривается...

Я не так наивен и понимаю, что, если убийство готовилось заранее, найти непосредственного исполнителя чрезвычайно сложно. Да и мотив убийства пока не совсем ясен. По сути дела, даже не так важна личность конкретного убийцы, которого станут разыскивать по горячим следам и, может, найдут

какого-то крайнего, на кого удобно всё списать, ведь дело-то наверняка получит огласку. На большее трудно рассчитывать. Я даже могу предположить, как будут развиваться события. Доблестные правоохранительные органы сей же момент раскрутят процесс по делу психопата-одиночки, отработают общественности о восторжествовавшей справедливости, запрут беднягу в дурку и спишут дело в архив. Дёшево и сердито, преступник наказан, обиженные удовлетворены – фанфары, благодарности, премии... Лишь несчастные запуганные евреи, всегда всё понимающие и находящие скрытый подтекст в каждом действии и в каждой газетной строчке, ещё глубже запрячутся в свои глубокие погреба. И никому не докажешь, что это случай из ряда вон выходящий, и делать выводы пока рано.

Хотя, с другой стороны, откуда мне это знать?

Как ни крути, остаётся самому начать поиски убийцы. По правде сказать, я понятия не имею, как это делается. Одно дело – читать детективы, где действие закручено в хитрых писательских мозгах, а ключ к разгадке всегда спрятан на предпоследней странице, другое дело – самому играть в Шерлока Холмса и искать этот ключик неизвестно где. Но уж точно – не удобно расположившись в кресле с чашкой чая.

Наиболее разумный поступок сейчас – без лишнего шума обратиться отсюда. Марику уже не поможешь, а время я выиграю. Чем позже выяснится, что я первым узнал об убий-

стве, тем больше будет степеней свободы для самостоятельного поиска. Только как использовать это преимущество?

В раздумьях отправился я к выходу, но не успел сделать и пары шагов, как услышал, что в офис кто-то заходит. Может, Лена? Спрячемся, на всякий случай. Особых тайников здесь нет, поэтому я нырнул на кухню.

Кухонная дверь весело и предательски закрипела несмазанными петлями, и только дурак не догадался бы, что на кухне кто-то прячется.

3.

– Быстро же ты прирулил! – Из-за двери на меня насмешливо глядел незнакомый сухопарый блондин в кожаной куртке с клоунскими блестящими заклёпками. – Явился, падла, не запылится!

Я лихорадочно соображал, как поступать. Роль птички в клетке меня никак не устраивала. Тем временем блондин обернулся и крикнул в полуоткрытую входную дверь:

– Костик, как ты и говорил, через полчаса весь жидовник будет в комплекте. Дуй сюда, полюбуйся на первый экземпляр!

В кухню протиснулся коренастый широкоплечий мужик в сером плаще и низко надвинутой на глаза таксистской кожаной кепке клинышками.

Ничего хорошего встреча с ними не сулила, это я почувствовал сразу. С одним блондином, если дойдёт до руко-

пашной, я бы ещё потягался, но с двумя – гиблое дело. Да и по комплекции они оба крупнее меня. К тому же, если кто-то из нас троих и годился на роль киношного супермена, сворачивающего шею сразу десятку противников, то только не я. Мой порядковый номер здесь был исключительно третьим. Однако ничего не поделаешь, надо выкручиваться, иначе как-то.

– Давайте, мужички, заходите, – через силу выдавил я, напуская на себя искусственную браваду. – Менты будут с минуты на минуту, я уже позвонил. Так что располагайтесь. И братки мои на подходе. Разберёмся со всеми делами, не сомневайтесь...

– Во, хмырь, ещё издевается! – почти обрадовался блондин. – На пушку берёт! Телефончик-то ваш – того, обрешан...

– Чего уши развесил? – заворчал на него коренастый мужик, которого называли Костиком. – Делай, что надо, и сдёргиваем.

Блондин пожал плечами, подмигнул мне, как лучшему другу, и неспешно двинулся навстречу, демонстративно сжимая кулаки.

– Но-но! – предупредил я и оглянулся по сторонам, однако помощи ждать было неоткуда.

По-кошачьи подпрыгнув, блондин навалился на меня всем своим долговязым телом. Стекло кухонной двери, задетое им в прыжке, с треском разлетелось, и мы кубарем пока-

тились по осколкам. Тяжело дыша, я пытался высвободиться и краем глаза следил за Кости́ком. Если эта парочка – убийцы Файнберга, то им нет смысла оставлять меня в живых. Свидетели в таком деле – непозволительная роскошь. Хотя для чего они вернулись назад, на место преступления? Законченные идиоты, что ли? Непонятно...

Видимо, блондин сильно поранился о стекло, и руки его были в крови, поэтому обхватить меня по-настоящему он не мог. Некоторое время мы катались по кухне, опрокидывая табуретки и хрустя битым стеклом, пока не вмешался Костик. Он тяжело взгромоздился на нас сверху, и я сразу почувствовал на своём горле его железные пальцы. В глазах поплыли круги, и я стал задыхаться.

Но убивать меня сразу, видимо, в их планы не входило, и спустя некоторое время железное кольцо на горле ослабло.

– Успокоился, мил-друг? – донёсся голос Кости́ка. – Так бы сразу, а то, ишь, распрыгался. Менты, братки – это ты в своей синагоге трави...

Растирая передавленное горло, я приподнялся на четвереньки и огляделся. Костик неторопливо стряхнул с коленок стеклянную крошку, достал из кармана мятую пачку болгарского «Опала» и прикурил. Блондин отполз в сторону и стал слизывать кровь из глубоких порезов на кулаках.

Глянув на часы, Костик притушил сигарету о каблук, смыл окурки в умывальнике и деловито распорядился:

– Быстро приводи его в порядок, и мотаем отсюда. Вдруг

он и в самом деле куда-то сумел стукнуть.

– А кровь как же? – хлюпая носом, пробормотал блондин. – Менты сюда явятся, по крови меня вычислят. Экспертиза там и прочая мутотень. Может, прибрать тут, от греха подальше?

– Совсем охренел?! – рассвирепел Костик. – Тоже себе – Мегрэ долбаный! Нужно ментам твои сопли собирать на экспертизу! В отличие от тебя, они киношки про бандюков не смотрят... Уходить надо. Мигом собирай клиента!

С сожалением поглядывая на рукава своей кожаной куртки, изрезанные осколками, блондин неуклюже встал, рывком поднял меня на ноги и, злобно цыкая зубом, прошипел:

– Сейчас, сука, ты поедешь с нами. Пикнешь по дороге... – Он извлёк из кармана и помахал в воздухе выкидным ножом с узким голубым лезвием. – Тем более, за курточку с тебя должок... А сейчас мы с тобой, как лучшие кореша, под ручку выйдем из подъезда, будто ты выпил лишнего, а я тебя сопровождаю. Усёк? И упаси тебя Б-г шагнуть в сторону или пискнуть что-то...

Пока меня волокли по лестнице, я чувствовал, как нож, припрятанный в рукаве обнявшего меня блондина, непрерывно покалывает в бок. Сопротивляться в данной ситуации было бесполезно, к тому же, на лестнице никто не встретился, а у подъезда, почти впритирку к дверям, стоял белый «жигулёнок», в который меня сразу же впихнули. Усевшись рядом со мной на заднем сиденье, блондин натянул мне

на голову чёрную вязаную шапочку и спустил её на глаза так, чтобы я не видел, куда едем.

Поругиваясь сквозь зубы на лихачей-автомобилистов и марамоев-пешеходов, Костик взял с места в опор, и машина резво выскочила из-под арки на проезжую часть улицы. Сперва я пытался ориентироваться по шуму за стеклом, но вскоре сбился и решил, что более актуально сейчас подумать о том, как оттянуть момент встречи с Файнбергом на том свете. Всё яснее я понимал, что другого варианта распорядиться моей персоной у блондина и Костика просто нет. Больно много успел я увидеть, чтобы с пол-оборота не заложить их первому встречному милиционеру.

С каждой минутой настроение становилось всё паршивей, но настоящего страха, на удивление, не было. Не к месту вспоминая дурацкие американские боевики, я даже попробовал представить, как мой бездыханный труп сбросят с какой-нибудь живописной скалы, и я, распластавшись орлом, буду долго парить вниз, задевая камни и оставляя на них кровавые ошмётки моего брэнного тела. Изумительная перспектива, что и говорить. Хорошо, что в нашей местности нет ни скал, ни пропастей, хотя это было слабым утешением.

Тем временем машина, съехав с асфальта и тяжело переваливаясь на ухабах и камнях, проехала ещё минут пять и притормозила. Глуповато хихикая, блондин толкнул меня в бок:

– Приплыли, морячок, вот и твоя последняя пристань!

Больно царапнув корявым ногтем веко, он скovyрнул шапочку с моей головы, и я смог оглядеться по сторонам.

Удачней места для тёмных делишек не придумать. Мы находились недалеко от центра города, на замороженном строительстве нового микрорайона, куда забрести без особой нужды мог лишь сумасшедший. Пространство между мёртвыми панельными каркасами будущих пятиэтажек было замусорено всевозможным строительным хламом, битым кирпичом и ржавыми металлическими конструкциями непонятного назначения.

– Иди позыркай вокруг, – деловито распорядился Костик, поправляя свою таксистскую кепку.

– А этот? – засомневался блондин и кивнул на меня.

– Сам присмотрю, иди.

Сунув в карман замотанные носовым платком кулаки и посвистывая, блондин вскарабкался на обломок лестничного марша, огляделся и, чертыхаясь, заковылял к зияющим провалам подъездов, через минуту вынырнул на балконе третьего этажа, свистнул, мол, всё в порядке, и исчез снова.

С унылой безнадёжностью я стал отыскивать взглядом какой-нибудь предмет, которым можно было бы в критический момент врезать по затылку самоуверенно развалившегося за баранкой Костика, но тот, словно читая мои мысли, поглядел на меня в зеркальце и усмехнулся:

– Не шали, парень, на тот свет ещё успеешь! – Затем

неожиданно повернулся ко мне и, понизив голос, проговорил: – Слушай внимательно, сейчас этот баран вернётся – бей его. Бей до смерти, понял? – И, заметив моё недоумение, сразу разозлился: – Что уставился? Придурок, что ли? Я тебе шанс даю уйти живым. Не ясно? Арматурины подбери какую-нибудь или камень... Только до смерти бей, понял?

– А ты? – Его слова сбили меня с панталыку окончательно.

– Не твоя забота. Меня здесь никто не видел. Сами вы с ним поцапались, сами разобрались, а я здесь – сторона.

Мы выбрались из машины, и я послушно подобрал увесистый обрезок арматурины и спрятал в рукав.

– Ну, спасибо, брат, – только и успел сказать я Костику, – вот не ожидал...

– Да пошёл ты! – огрызнулся тот в ответ. – Брата нашёл...

Наконец, неловко перескакивая через кучи мусора и высоко задирая ноги, появился блондин. Задыхаясь, он сообщил:

– Всё в ажуре, в радиусе километр ни одной живой души. – Он покосился на меня и сунул руку в карман.

– Ну! – неожиданно громко закричал Костик. – Чего ждёшь, идиот?!

Вытащив своё оружие, я принялся размахивать им, представляя, как бы это делал какой-нибудь фильмoвый супермен с нунчаками. Блондин удивлённо отшатнулся и уставился на меня пустым непонимающим взглядом. Неуклюже переваливаясь с ноги на ногу, Костик подскочил ко мне,

вырвал арматуру и отработанным движением опустил её на голову блондина. Однако тот успел заслониться и плаксиво завопил:

– Ты что же это делаешь? Перегрелся, сука?! Ой, бя... Чего ты?!

Они бестолково возились в двух шагах от меня, и Костик с несвойственной для его комплекции прыткостью на скакивал, а блондин уворачивался от ударов, что-то причитая и матерясь. Наконец, он пришёл в себя от первоначального шока и сунул руку в карман.

– Нож! – закричал я Костику, и тот, с силой оттолкнув от себя соперника, выхватил из кармана пистолет.

Дальше всё развивалось и впрямь как в каком-то боевике. Глухо хлопнул выстрел, долговязое тело блондина неестественно выгнулось, сопротивляясь удару, а когда лёгкий дымок рассеялся, на гладкой коже куртки вдруг возникло аккуратное круглое отверстие, из которого брызнула струйка крови. Лица блондина разглядеть не удалось, потому что его резко подбросило и тотчас опустило на острый обломок плиты. Всё произошло мгновенно, а я лишь смотрел на это тупо и неподвижно, хотя, наверное, стоило воспользоваться моментом и дать дёру.

– Чего пялишься? – хрипло пробормотал Костик и стал вытирать потное, перемазанное пылью лицо. – Я же говорил, бей сразу, а ты... мать твою!

– Он... мёртв? – Ничего умнее спросить я не догадался.

– Само собой, – охотно подтвердил Костик, – это только Ленин живее всех живых... А кончил его, между прочим, ты. Так и запомни.

В голове у меня мелькнуло подозрение, что он просто сумасшедший, поэтому перечить ему не надо, лучше поскорее исчезнуть, и я стал пятиться, но не успел. Костик подхватил брошенный прут и с размаху врезал мне по плечу. От резкой боли в глазах потемнело и перехватило дыхание. Как и блондин минуту назад, я оторопело уставился на него, но последовал второй удар, от которого я благополучно и надолго выключился.

4.

Очнулся я, когда стемнело. В ушах звенели неземные ангельские голоса, в глазах всё двоилось, однако я сумел различить, что вокруг никого нет. А главное, не было Костика. Я мог бы пролежать тут, наверное, ночь напролёт, и никто меня не нашёл бы на этой забытой Б-гом и людьми стройке.

Сперва я упирался щекой в колючую похрустывающую щёбёнку, потом перевалился на спину и, глупо разглядывая темнеющее вечернее небо, стал потихоньку приходить в себя. Если лежать, не шевелясь, то голова почти не кружилась, а ангельские голоса не так назойливо давили на перепонки.

В весёленькую историю я влип однако! Файнберг убит, Лена неизвестно где, да и меня самого какие-то психи чуть-чуть... Стоп! Один из них и сейчас тут, рядышком...

С трудом я приподнялся на четвереньки и вдруг обнаружил, что сжимаю в руке... пистолет. Тот самый, из которого был застрелен блондин. С ужасом я отбросил пистолет и беспомощно огляделся.

Всё происходящее сильно смахивало бы на бред отравленного пошлыми детективами воображения, если бы в пяти шагах от меня и в самом деле не лежал вполне реальный труп – уже второй за сегодняшний день. Орудие убийства с моими отпечатками пальцев – вот оно, тоже рядышком.

С оружием я имел дело добрый десяток лет назад на институтских учебных стрельбах. Это был старый, истёртый сотнями ладоней автомат АКМ, пистолет же видел только у постовых милиционеров, и то в кобуре. Желания иметь собственное оружие у меня никогда не возникало, да и к чему оно? Газовый баллончик у меня, правда, есть, но я им ни разу не пользовался. В тех редких случаях, когда он действительно был нужен, под рукой его, как назло, не оказывалось.

Но как поступать сейчас – кто бы подсказал? Если дожидаться, пока меня здесь кто-нибудь обнаружит, то хрен потом докажешь, что я не при деле, и убивать собирались как раз меня, а по ошибке или по какому-то коварному умыслу грохнули этого белобрысого парня. И пистолет с отпечатками моих пальцев вовсе не мой... Костик не такой уж дурак, рассчитав, что треснет меня посильнее арматуриной, всунет в руку компромат, и я буду спокойно прохлаждаться в благословенном беспамятстве до тех пор, пока кто-нибудь накро-

ет меня с поличным. Хотя бы тряпочку какую-нибудь сейчас найти и стереть отпечатки...

Одно ясно — оставаться здесь глупо, нужно сматываться. Идти в милицию бессмысленно, по крайней мере, сегодня. Нужно искать самому. Искать этого Костика, искать ещё чёрт-те знает кого, но искать, чтобы самому не остаться крайним... Странная у меня сегодня планида — как увижу труп, сразу бежать. Сколько этих трупов ещё намечается? Я за всю свою жизнь столько не видел, сколько сегодня...

Покачиваясь, я встал с четверенек и, немного подумав, поднял пистолет. Пусть пока побудет у меня. Чем оставлять его на месте преступления с моими отпечатками, лучше утопить в какой-нибудь речке. Да простит меня богиня правосудия Фемида за сокрытие улики...

Перед тем, как уйти, я всё же обыскал труп блондина, вдруг появится какая-то зацепка. В карманах измочаленной прутком куртки ничего интересного не оказалось, обыкновенный джентльменский набор: ключи, сигареты, зажигалка, использованные троллейбусные билеты, больничный бюллетень недельной давности на имя Скворечникова Александра Петровича 1963 года рождения. Лишь на отвороте воротника я обнаружил большой в пол-ладони значок — двуглавый орёл, герб Российской империи.

Находка наводила на некоторые размышления. Хотя в последнее время этот герб и реанимировали в качестве государственной символики, но что-то я не видел особо много

желающих носить его как значок. Это удел сопливых пацанов, накачиваемых различными группировками – от открытых фашистов с их бредовыми идеями языческой Великой Руси, царящей над миром, до полуподпольных экстремистов-коммунистов с теми же, по сути дела, амбициями и имперскими закидонами. Но одно дело – зелёная молодёжь, легко ведущаяся на громкие слова. Взрослый же мужик, играющий в игры с подобными эмблемами, – это уже конкретный адрес. Если до этой находки вполне можно было предположить, что убийство Марика и погром в офисе дело рук любителей острых ощущений, то теперь цепочка выстраивалась однозначно. За уличной шпаной в лице Скворечникова и Костика наверняка стояли какие-то более серьёзные люди.

Так что моё дурацкое письмо, состряпанное с единственной целью напугать своего разгулявшегося конкурента, явилось каким-то жутким катализатором, подвигнувшим на действия подобных упырей, пожирающих при случае – и я в этом сегодня убедился – друг друга. Идиот я несчастный, накликать беду... Честное слово, мистика какая-то.

Сунув пистолет в карман и кое-как отряхнувшись, я последний раз оглянулся на труп блондина и на негнущихся ватных ногах отправился к выходу со стройки.

Район оказался знакомый и не далеко от моего дома. Пройдя два квартала и не обнаружив ничего подозрительно-го, я присел на скамейку в тени под деревьями и принялся

размышлять, как поступать дальше. Голова всё ещё отказывалась соображать, но я напрягся изо всех сил.

Для начала займёмся подсчётами. Файнберга убили не раньше, чем за час до моего прихода. Это вычислить мне пока по силам: офис открывается в три, и вряд ли Марик пришёл туда раньше, тем более моё письмо он получил в обед. Просто почту раньше не приносят. Я же пришёл около четырёх. Значит, убийцы успели за это время сделать своё дело, куда-то утащить Лену, если она там была, а потом вернуться за мной. Никакой логической связи. Едва ли им нужен был именно я, ведь в офисе в последнее время я не появлялся, так что попал случайно. Для чего же они вернулись? Кого-то искали? Первого попавшегося? Сплошные загадки.

Я даже усмехнулся: начитаешься детективных страстей-мордастей, и лезет в голову всякая чертовщина. Этак свою тень заподозришь в шпионаже на новозеландскую разведку! Наверняка всё проще и банальней, только от этого не легче. Шутка ли сказать – два трупа за сегодняшний день и ни одного за всю мою предыдущую жизнь.

Но не будем отвлекаться, потянем ниточку дальше, насколько сумеем. Скворечников Александр Петрович – имя ни о чём не говорит. Его прибалтённость, кожаная курточка с заклёпками, ножик и значок с гербом – довольно скучная, хоть и достаточно характерная информация. Едва ли что-то прояснится, когда через пару дней в разделах криминальной хроники газетчики напишут о найденном трупе. Наверняка

не скажут о принадлежности к националистической конторе типа «Союза». Кстати, тамошние бойцы носят подобные значки? Впрочем, неважно. Главное, что об этом не скажут. О таких вещах у нас стыдливо умалчивают. Как об онанизме или гомосексуализме. Вроде бы они есть, и их нет.

Второй – мужик таксистского вида по имени Костик – вообще сплошная загадка. Кто он на самом деле и для чего ему понадобилось спасать меня? Чтобы я тотчас заложил его в милиции? Глупо надеяться на то, что я умолчу о нём следователю, а ведь я рано или поздно попаду к ментам. Если даже не докажут его причастность к убийству Файнберга, то ведь убийство Скворечникова произошло на моих глазах, и он отлично понимает, что выгораживать его – значит, брать убийство на себя. Не пойму, каков его расчёт идти на мокрое дело ради меня. Тайные симпатии к евреям? Смешно... С другой стороны, хитро, гад, закрутил – порешил подельника, потом вырубил меня и воткнул пистолет в ладошку, дескать, ребята сами учинили дуэль на стройке, а он проходил мимо, целочка невинная и глазки голубые...

И ещё одного не пойму: для чего затевался этот спектакль? Не проще ли было шлёпнуть меня, уложить рядом с Мариком – и концы в воду? Ищи потом ветра в поле. Попытка выставить меня убийцей Скворечникова, а, если принять во внимание дурацкое письмо, то и Файнберга, наверняка при более детальном изучении потерпит крах. Не такие уж простофили наши милицейские сыскари, чтобы не разо-

браться в этом. Когда подопрёт, могут пахать, как звери.

Но и полагаться на здравый смысл особенно не стоит. Наверняка нужно будет тридцать три раза доказать всем свою непричастность перед тем, как всё прояснится. Это-то меня и не устраивает. Пока есть время, нужно что-то делать самому. А то потом ничего не докажешь.

На часах почти семь. После моего посещения офиса прошло уже три часа, и труп Файнберга наверняка обнаружен. Может, и Лена отыскалась. Не дай Б-г, чтобы и её... Труп Скворечникова пока наверняка не нашли, но скоро и его кто-нибудь обнаружит. Надеюсь, моей особой пока не интересуются, хотя это не мешало бы осторожно проверить.

Постанывая от боли в плече, по которому мне здорово врезали ещё в офисе, а потом Костик добавил на стройке, я медленно пошёл по улице, опасливо поглядывая по сторонам и держась в тени деревьев. Мало ли что.

Из телефона-автомата на углу я позвонил сперва домой и выяснил от моих стариков, что до обеда меня никто не домогался, а потом звонки пошли беспрерывно, но все меня только пытаются найти и никто не говорит зачем. Старикам о своих приключениях я благоразумно рассказывать не стал, но предупредил, что, может быть, задержусь, а если не приду ночевать, значит, срочно укатил в командировку. Иногда я пользовался таким запрещённым приёмом. А потом, не вдаваясь в подробности, поскорее повесил трубку.

Второй звонок был в офис. Не знаю, для чего мне это по-

надобилось, но я понимал, что не успокоюсь, пока не узнаю, что там творится. Трубку тотчас сняли, и чей-то незнакомый голос спросил, кто звонит. Отвечать я не стал и поскорее нажал на рычаг. В офисе наверняка уже милиция. Очень хотелось, конечно, спросить, что с Леной, но засвечиваться пока рановато. Всему своё время.

Третий звонок я сделал Вале. С этой известной в городе авангардной поэтессой и довольно большой смурнячкой меня связывала какая-то странная давнишняя дружба. Валя была нелюдима и одинока, как могут быть одиноки лишь непризнанные гении, шумных компаний на дух не переносила, но меня, при всей моей суматошности, как ни странно, воспринимала нормально. Или, может быть, терпела, раз уж отшить с первого раза не получилось. Поначалу она пыталась увлечь меня своими эзотерическими рифмами, но я заглатывал их без особого аппетита, предпочитая что-нибудь более традиционное, хотя изысков не отвергал, и уже одним этим приобрёл её симпатию. Иных интересов, которые могли нас сблизить, не было, и каждый раз после проведённой у неё ночи я задавал себе риторический вопрос: на кой чёрт мне это надо? Не морочил бы я ей голову своими редкими визитами, может, вышла бы она замуж за какого-нибудь мужичка без закидонов, нарожала бы детишек и завязала со своим смуром. Вела бы нормальный образ жизни, как остальные... Разум подсказывал одно, но проходило какое-то время, и меня тянуло к Вале снова. Никаких рациональных объяснений

этому не было, и я летел к ней, закусив удила, как шестнадцатилетний прыщавый школяр к умудрённой жизнью матроне, наконец-то, соизволившей преподать ему мастер-класс постельных премудростей.

Валю я предупредил, что, может, явлюсь в гости вечером, но, если кто-нибудь спросит обо мне, ничего никому не говорить. Последнее наверняка лишне, ведь наша связь для всех секрет, однако мало ли что. Многие наверняка про это знали, но ещё никто пока не додумался разыскивать меня у Вали.

И последний звонок после некоторых колебаний я совершил Толику, своему единственному закадычному другу, который в настоящее время доблестно трудился опером в уголовном розыске. Уж, он-то подскажет, как поступать. При всём его показном гусарстве и неискоренимом мальчишеском стремлении попижониться перед простыми смертными, мужик он, в целом, положительный и на подлянку не способен. Хоть по долгу службы и вынужден дудеть в чужую дуду, но совести и порядочности пока не утратил. На него, признаться, я возлагал самые большие надежды, однако дома его не оказалось. Записной же книжки с его рабочим телефоном у меня, как на грех, с собой не было.

Рассудив, что звонить пока больше некому, я отправился восвояси. Никаких планов в голове не выстраивалось, шарики вращались медленно и со скрипом. Это только в книжных детективах действие разворачивается стремительно, на одном дыхании, и главный герой всегда знает, как поступать. Я,

видно, в герои не гожусь, к тому же, не хочу попадать в истории со всяческими боевыми единоборствами – тут возможностей у меня куда меньше, чем у плечистых книжно-киношных суперменов. И братков, качающихся в спортзалах. Вон как косточки до сих пор болят...

5.

У газетного ларька я притормозил. Вредного вида старуха в старомодных роговых очках убирала разложенные на прилавке газеты и журналы. На всякий случай прошамкав «закрыто», она недовольно стрельнула по мне взглядом и задвинула поглубже коробочку с деньгами.

И тут мне на ум пришла гениальная идея, которая могла бы дать пускай и маленькую, но вполне реальную зацепку для дальнейших поисков. Может, это даже единственный вариант, который хоть и не выведет на непосредственных убийц Файнберга, зато позволит пощупать их вдохновителей. А там – чем чёрт не шутит... Вероятен, конечно, и прокол, но в любом случае это лучше, чем болтаться по городу в ожидании, пока тебя прихлопнут, как комара.

Необходимо срочно разыскать Лёху Фетисова, журналиста из областной газеты. Уж, из него-то я вытрясу какую-нибудь достоверную информацию о наших местных «православных» и прочих картонных патриотах.

До последнего времени Лёха был вполне приличным человеком и неплохим журналистом, печатавшим материалы

на морально-бытовые темы и судебные репортажи, слыл довольно мастеровитым и неглупым газетчиком. Знакомы мы с ним были с детства по литературному кружку в Доме пионеров. Писал он поначалу тяжеловато, потом обтесался в заводской многотиражке, а после заочного факультета журналистики перешёл в областную газету, где и работает по сей день. Близкими друзьями мы так и не стали, лишь здоровались при встрече, но после того, как года полтора назад Лёха по корреспондентским делам побывал на каком-то из многочисленных сборищ патриотов, заразился там вирусом юдофобии и стал строчить статьи о поруганной России и разграбивших её инородцах, отношения между нами испортились окончательно. Правда, я пытался пару раз вызвать его на разговор по душам, но он каждый раз высокомерно отказывался, считая, вероятно, что порочить свою кристальную репутацию связями со мной ему не пристало. А однажды даже выдал в газете фельетон о некоем хитреце с крючкова-тым носом, посулившим ему за молчание по национально-му вопросу довольно крупную сумму в презренных долларах, на что он, естественно, ответил мужественным отказом, невзирая на собственные жилищные и финансовые проблемы. Обо мне это было или нет, так я и не разобрался, хотя чем угодно могу поклясться, что никаких денег никому никогда не обещал. За элементарным их неимением. Вот каким гадким человечком оказался в итоге Лёха Фетисов, мой бывший собрат по литкружку.

Уж, если пытаться выяснить, что сейчас в мозгах у твоих недругов, то лучше Лёхи об этом никто не поведает. Для них он теперь свой человек. Вот и мне пригодится хоть этим.

Жил он на окраине города, в рабочем микрорайоне. Адрес я приблизительно помнил, а чутьё да всезнающие старушки у подъездов, безусловно, знакомые с «корреспондентом Фетисовым», не позволили долго блуждать среди однообразных пятиэтажных коробок.

Обосновался Лёха на четвёртом этаже облупленного, с выцветшими стенами панельного дома. По щербатым грязным ступенькам, переступая лужицы неиссякающей кошачьей мочи, я поднялся наверх и надавил на кнопку звонка. Особого удовольствия от предстоящей встречи я не испытывал, но это было необходимо, и настроен я был весьма решительно.

Дверь отворила Лёхина жена Верка, растрёпанная и вечно помятая бабёнка, третьесортная актриса в нашем второсортном драмтеатре. Запахивая халат, она непонимающе уставилась на меня и воинственно поинтересовалась:

– Что надо?

Знала она меня отлично, однако решила, видимо, подобно мужу, строить из себя святую невинность и не иметь никаких дел с такими прохвостами-инородцами, как я.

– На тебя пришёл полюбоваться и на твоего муженька. – Я попробовал отодвинуть её плечом и пройти в прихожую, но она не пускала. – Ого, Лёха наверняка в командировке,

а свято место пусто не бывает! Угадал?

Кого-кого, а Верки я не стеснялся, потому что иного языка она не понимала, и весь город знал про её неукротимую тягу к мужикам, особенно к таким, кто не скупился на деньги. Для Лёхи это не секрет, но он почему-то терпел все её выходки.

– Вот ещё! – вызывающе хмыкнула Верка. – Тебя не позвала свечку держать! – Однако воинственный пыл её иссяк, и она посторонилась, неохотно пропуская меня. – Дома Алексей, проходи, раз пришёл. Но учти, ещё схамишь, я тебе эти самые... до пупа обрежу! – и вразвалочку отправилась на кухню, оставив меня в прихожей.

В единственной комнате Лёхиной квартиры царил застарелый творческий беспорядок. К тому же вчера тут наверняка была гулянка, утром опохмелка, и прибрать бардак было некогда. Великий «корреспондент Фетисов», унылый и такой же помятый, как супруга, сидел в майке и трусах за письменным столом и что-то щёлкал на пишущей машинке негнувшимися дрожащими пальцами.

– Здорово, рупор патриотов! – энергично поприветствовал я своего идеологического противника. – Рожаеть очередную эпохалку для своего бульварного листка?

Лёха удивлённо скользнул по мне взглядом, и в его потухших глазах пробудился некоторый интерес.

– Чего надо? – так же, как и Верка, недружелюбно спросил он. – Какого чёрта явился?

– Поговорить нужно. И чем скорее, тем лучше.

– Не о чем нам с тобою разговаривать!

– Так уж и не о чем! – Я решил действовать нахрапом, потому что иные варианты сейчас не годились. – Разве ты ещё ничего не знаешь?

– А что я должен знать? – Больше всего Лёхе сейчас хотелось знать, где взять пива, не выходя из дома, но журналистская жилка в нём всё же была.

Кратко я рассказал ему о том, что произошло сегодня, лишь утаил сюжет со своими подмётными письмами, и Лёха ошарашено откинулся на стул. В нашем провинциальном болоте подобные скандальные истории никогда не случались, а если кто-то кого-то и убивал, то не иначе как по пьяному делу. Даже убийств из-за ревности у нас не было, больно рубя кровь у наших обманутых мужей. Лёха тому яркий пример.

– Ну и нафига ты мне это вещаешь? – Лёха решил прощупать, какие у меня планы, ведь неспроста же я пришёл именно к нему. – Учти, я тебе не союзник. Мы с тобой, – он непроизвольно икнул, – идеологические враги, по разные стороны баррикады...

Долго рассусоливать не хотелось, нужно сразу брать быка за рога.

– Какая разница? Как бы ты ко мне ни относился, но должен помочь. Если ты, конечно, порядочный человек. Ведь погибли люди...

– Ишь, ты! – изумился Лёха. – И как же, интересно, я тебе помогу? Оживлю их, что ли?

– Ты вхож в «Союз православных», да?

– Вхож не вхож – тебе-то какое дело? – Он всё ещё сообщал довольно туго. – Что тебе от них надо? Если какие-то секреты, то никаких секретов не выдаю. Да и не знаю я ничего... А тебя туда и на пушечный выстрел не подпустят!

– Мне и не надо. Мне бы только получить кое-какую информацию.

Кажется, Лёха начал потихоньку приходить в себя, и мой рассказ пробудил в нём любопытство. Он неспешно закурил, разгрёб пятернёй растрёпанные волосы и прищурился:

– Вот что я скажу. Помогать тебе я не стану, хоть ты тресни. Почему, спрашивается, я должен верить, что это не какая-то внутренняя ваша разборка? А для отвода глаз приплели сюда «Союз православных» – уж, ему-то наплевать, на внутренние ваши дела, на него и так всех собак вешают...

Мне страшно не хотелось тратить время на выяснение, кто на кого вешает собак, поэтому я перешёл к сильнодействующим средствам. Выудив из кармана пистолет, я покрутил им перед Лёхиным носом:

– Видишь? Разве приходят болтать по пустякам с такими вещами?

От неожиданности Лёха выронил сигарету и вытаращил глаза:

– Откуда у тебя это? Ты что, меня теперь убивать при-

шёл?!

– Из него убит твой коллега по «партии», но убил его не я, и ты об этом уже слышал. Как пистолет попал ко мне, я рассказал.

Минуту Лёха разглядывал воронёную сталь, потом нахмурился. Хотя и пистолет всегда побуждает соображать быстрее, но Лёха, казалось, жёстко заиклился на одном:

– Ты его для чего принёс? Припугнуть или... как этого моего «коллегу»?

– Ну, и дурак же ты! – плюнул я в сердцах, спрятал пистолет и отвернулся. – Разве мне это сейчас нужно?

– Слушай, – Лёха примиренчески тронул меня за рукав, – объясни толком, что ты хочешь? С кем ты собрался воевать, с какими ветряными мельницами? Хотя ты, по правде говоря, мне и неприятен, но о таких вещах давай покумекаем...

Некоторое время мы сидели, надувшись друг на друга, как мышь на крупу. Потом из кухни выглянула Верка и с любопытством уставилась на нас.

– Жрать со мной будешь? – миролюбиво поинтересовался Лёха. Я неопределённо пожал плечами, и он скомандовал: – Верунчик, изобрази-ка чего-нибудь на скорую руку!

– Пошёл ты! – огрызнулась Верка, но яичницу поджарила и открыла банку каких-то консервов.

Лёха почти не ел, видно, после вчерашнего в него ничего не лезло. Во мне же проснулся волчий аппетит, и я вычистил почти всё, что было на столе, лишь от водки отказался. Лёха

сидел напротив меня, крутил пальцем рюмку и задумчиво мусолил сигарету. Наконец, сказал:

– В общем, так. Это дело меня заинтересовало. Но учти, я вовсе не собираюсь тебе помогать, и твои сионистские заморочки мне по барабану. Попутно добавлю, что и лозунги «Союза», к которому ты меня причислил, мне глубоко безразличны. Кое-что в их программе я принимаю сочувственно, а в остальном, как ты изволил признать, я человек все-таки приличный. Есть у меня и собственные убеждения, которые я отстаиваю всегда и везде. Не нравлюсь кому-то – мне это, извините, до одного места. С кем вожусь и на чьих собраниях сижу – тоже моё дело. Как у каждого честного русского человека, у меня есть идеалы, не всегда, может, совпадающие с общепринятыми, но это уж... – Он вздохнул, прервав на полуслове декларацию своих взглядов, и перешёл к деловой части: – Всё, что ты рассказал, меня заинтересовало, скажем, как журналиста. Повторяю, как журналиста, не больше. Если мне удастся откопать что-нибудь пригодное для тебя, то это будет сделано лишь с целью написания криминальной статьи. И учти, мои симпатии вовсе не на твоей стороне. Чтобы потом было без обид. – Он криво усмехнулся. – А пушкой своей ты меня не пугай, лучше сдай в милицию, так оно спокойней. – Он прошёлся по комнате взад-вперёд, почёсывая кончик носа, потом уселся напротив меня и тряхнул чёлкой. – А теперь давай опять сначала и по порядку...

Минут тридцать мы обсуждали план действий. Конечно, любой сколько-нибудь искушённый читатель детективов осмеял бы меня и наш план от начала до конца. Дескать, не мог придумать ничего умнее, как отыскать такого занюханного компаньона, уот орый тебя ко всему на дух не переносит! Да и план был, мягко говоря, не сильно оригинальный, ведь ни я, ни Лёха не имели ни малейшего представления, как это делают. Но деваться некуда, пока меня не стукнули по голове ещё раз или не усадили в каталажку. Время пока работало на меня, но и его категорически мало. Единственное, что меня не очень устраивало, это то, что игра в детектив стала для меня вопросом жизни или смерти, для Лёхи же увлекательным приключением, в конце которого наверняка наберётся материал для скандальной газетной публикации.

Собственно говоря, многого Лёха наверняка не разужнает, ведь среди патриотов сошка он мелкая, в святая святых его не пускают и в тайные планы не посвящают, однако журналист он на местном медиа-пространстве всё-таки достаточно признанный, и с ним считаются. Некоторой информацией разжиться он наверняка сумеет, параллельно прозондировав, кто такие убитый Скворечников и Костик на белых «Жигулях». На всякий случай, я не стал расписывать, как Костик спас меня от смерти. Это прозвучало бы совсем неправдоподобно. До конца Лёхе я пока не доверял – мало ли что у него на уме! Пойдёт и выложит всё, что разуз-

нал от меня своим вдохновителям, а потом на меня новые кострики охоту начнут!

Мы договорились, что на время я уйду в подполье, а связь с ним буду поддерживать по телефону. Лёху это, кажется, воодушевило – ещё бы, не каждый день провинциальному журналисту выпадает возможность поучаствовать в самом настоящем детективном расследовании с погонями и преследованиями!

Попрощались мы довольно тепло, и не помешал этому даже недовольный скрип Верки, которая заранее подготовилась к неминуемому скандалу, не очень хорошо представляя, о чём мы беседовали.

По дороге к Вале неожиданно для самого себя я стал размышлять о том, какая странная штука судьба. Всё, что копится в душе годами – обиды, переходящие в злобу, неприязнь и отчуждение, – всё это, по сути дела, противоестественно и глупо. А мы копим в себе этот мусор и никак не хотим с ним расстаться. Однако стоит переступить какую-то грань, и тотчас появляется надежда. А где-то внутри по-прежнему не перестаёт грызть подленькая мыслишка: а стоит ли тратить на это время, которого нам и так никогда не хватает на что-то доброе и хорошее – для себя? Но в душе уже зародилось необычное доверие к окружающему миру, какое-то запоздалое и виноватое сожаление в том, что ты тратил свою жизнь на пустяки, а главное увидел только сейчас. И ты совсем по-иному начинаешь смотреть на всё,

что тебя окружает, на людей, которых ты раньше ненавидел, на себя ненаглядного...

До последнего времени я Лёху откровенно терпеть не мог, внутренне заклеив подонком, долгое время скрывавшим своё гнилое нутро, но столкнулся с ним сегодня поближе и понял, что мужик он по-прежнему неглупый, сам себе на уме и здравого смысла ещё не утратил. Другое дело, что запутался в своих исканиях, наслушался каких-то бредовых идей и за неимением собственных принял их за истину. Так ведь не он один такой. У многих в голове сегодня каша. Наверняка и я не исключение...

Уже в сумерках без особых приключений добрался я до Валиного дома. Лишь поднимаясь по лестнице, почувствовал, как смертельно устал за этот бесконечный сумасшедший день. Растянувшись после горячего душа на диване, я поплыл окончательно и не смог бы пошевелить даже пальцем, если бы потребовалось. Перед тем, как провалиться в тяжёлый и беспокойный сон, я успел лениво подумать о том, что так и не дозвонился до Толика, а это очень не помешало бы. Но ничего, завтра дозвонюсь. Будет день, будет пища. Только бы этой пищей не подавиться...

6.

Этой ночью я снова увидел сон, который видел прежде уже тысячу раз. Почему тысячу – просто такое рано или поздно начинает сниться каждому, в ком хоть капелька ев-

рейской крови, а потом это становится навязчивой идеей, сводит с ума, и никуда от этого не деться. Но на сей раз сон был необычайно отчётлив и ярок, почти как в зале кинематографа, когда смотришь красочный широкоформатный фильм. Я чувствовал не только цвет и звук, но ощущал запах, почти касался ладонью того, что стремительно пронеслось перед глазами, а в лицо мне дышал ветер будущей, пока не наступившей реальности. И всё это лишь снилось...

...Немного захмелевший от ожидания того, что неминуемо произойдёт через какие-то мгновения, и к этому неминуемому ты, оказывается, готовился всю жизнь, я медленно пробирался по длинному полутёмному салону самолёта к распахнутой двери, опираясь о мягкие шершавые спинки кресел и путаясь в коротком ворсе мохнатой дорожки под ногами. Каждый шаг давался почему-то с трудом, словно на ногах были пудовые гири, и в то же время что-то радостное звенело в груди и сладким ознобом растекалось от кончиков пальцев к затылку.

Уже и свежий ветерок дохнул из распахнутой двери, разгоняя застоявшийся сонный полумрак салона. Я тянулся к этому ветерку, но впереди меня были люди, много людей, и все они сейчас, наверное, очень походили на меня. На удивление, никто не лез по головам, не бранился и не толкался – торжественность минуты, которую каждый из моих соседей тысячу раз проигрывал в воображении, заставляла быть строгим и терпеливым.

И вот я на верхней ступеньке трапа. Чёрная ночь, переполненная искорками звёзд на невидимом небе, навалилась на матово светящееся жёлто-розовое поле аэродрома. Вдали приземистое здание из стекла и бетона, увитое зеленью, но не оно приковывает взгляд. За пределами круга, очерченного огнями, куда ни глянь, повсюду ночь. Но не такая, какой мы привыкли себе её представлять. Расстилаясь вокруг, она теплится мириадами переливающихся и дышащих огоньков, словно бесчисленные созвездия тысячекратно отразились, как в зеркале, в этой необычной и фантастической земле, о которой я прочёл столько книг, столько раз представлял встречу с ней, но лишь сейчас мне предстояло понастоящему на неё ступить.

Спускаюсь по трапу, и в моей ладони влажная и горячая детская ладошка. За спиной – женщина, мать ребёнка. Их лиц я не вижу, но знаю, что они доверяют мне, ждут моей помощи, и я в доску разобьюсь, чтобы им здесь было хорошо и спокойно...

Ночь рассекают лимонные огни мелькающих фонарей. По высеченной в розовых отвесных скалах дороге въезжаем в большой город, расцвеченный всеми цветами полыхающей неоновой радуги. Что-то в этом городе неуловимо знакомое и родное, давно ожидаемое и вечное...

Это же Иерусалим! Г-ди, как же я сразу не догадался?!..

– Где тебя, дурака, черти носят?! – заорал опер Толик, едва услышал в телефонной трубке мой голос. – Мы тут с ног сбились, тебя разыскивая. Твой дружок Файнберг мёртв, а ты – то ли жив, то ли нет – хрен тебя знает! Всё управление на ушах стоит, а что у вас там произошло – поди догадайся. Мало на нашу голову весёлых братков с их разборками да торгашей с рынка, так ещё вы в бочку полезли, вояки сраные!

– Толик, – вклинился я в его тираду, – дай хоть словечко молвить...

– Пошёл в жопу со своими словечками! – пуще прежнего заорал Толик. – Мигом дуй ко мне, пока жив. Я тебе серьёзно говорю, это не шуточки. И так уже два трупа в морозилке морга, хочешь быть третьим?..

Ага, значит, Скворечникова нашли, а про Лену ничего не известно. Хочется надеяться, что с ней всё в порядке... А может, это не Скворечников, а Лена?! Спросить у Толика, что ли?

– Куда вы попрятались, как тараканы?! – продолжал неистовствовать Толик. – Думаешь, вас найти сложно? Да раз плюнуть! Только тогда разговор будет иной... А то, ишь, нашкодили – и в кусты.

– Кого ты имеешь в виду? – осторожно поинтересовался я.

– Вас и ваших закадычных друзей «православных»! То при честном народе друг друга гавном поливаете, рубаху на пупе рвёте и головы людям морочите, а теперь, видно, посмотрелись фильмов про мафию, шлёпнули по человечку

с обеих сторон – и притаились по кустам...

Так, отметил я про себя, значит, не Лена... Ход милицеских рассуждений понятен. Вполне логичный, с их точки зрения, вывод. Если так было запрограммировано настоящими убийцами, то они своей цели добились.

– Мы-то причём? – слабо возразил я. – Авторитетно заявляю...

– Вот-вот, и Пахомов то же самое заявляет. – Толик постепенно начал сбрасывать обороты. – В отличие от тебя, он никуда не прятался, а просидел в управлении на допросе всю ночь и вышел в четыре утра с подпиской о невыезде. Можешь быть уверен, тебя то же самое ждёт...

Пахомов – вождь «Союза православного народа», в миру доцент пединститута. Правда, с доцентства его недавно поперли, но не за политические взгляды, а за то, что они мешали непосредственной работе на кафедре. Ну, некогда доценту воспитывать своих подопечных по педагогической части, его мысли посвящены спасению православных от неправославных. Увольнение он истолковал, как факт политического преследования инакомыслящих, и это как бы давало ему право трещать на каждом углу, что подлинной демократии как не было, так и нет, и наверняка не будет до тех пор, пока у власти в стране жидо-масоны. При всей абсурдности и идиотизме подобных утверждений, ход он выбрал верный – испокон веков у нас жалеют униженных и оскорблённых. Умных, рассудительных и интеллигентных – куда меньше.

– Ну, и мать его... этого Пахомова! – традиционно чертыхнулся я в его адрес. – Ты одно скажи: что с нашей секретаршей Леной? А то я ничего не знаю.

После некоторого затишья Толик разъярился по новой:

– Издеваешься? Следствие идёт в полную силу, все с ног сбились, а ищем вчерашний день... Тут объявляется красавец по телефону и как ни в чём ни бывало требует полную раскладку! Хорошо, что я у родителей твоих узнал, что ты жив, а то, ей-богу, уже панихиду в вашей синагоге заказывать собрался... Как другу, советую, дуй сюда скорее, иначе на тебя всех собак повесят – не расплюёшься. Ведь любой завтра скажет: если скрылся, значит, рыльце в пушку... А Лену вашу ещё не нашли...

– Понял, – в свою очередь разозлился я, – прекрасно понял! Но появляться у вас пока не собираюсь. Постарайся понять, почему. Позже всё расскажу.

– Идиот! – истерически завопил Толик. – Яму себе копаешь!

Но я его больше не слушал и повесил трубку. Информации из разговора я получил немного, но есть кое-что и полезное.

Оказывалось, что хваленые милицейские профессионалы сумели выяснить не более моего. Ясно, что в нашем Б-гом забытом городе такой раскрутки вялотекущих событий никто не ожидал, и это повергло всех в натуральный шок. То, что наши доблестные опера учили в своих милицейских шко-

лах в теории, теперь необходимо делать на практике и, более того, принимать решения собственными мозгами, а это намного сложнее. Зацепок у них пока нет, одни версии. При том, ничего оригинального, проливающего свет. Понятно, что они рано или поздно начнут копать более основательно, но для этого нужно опять же время и чтобы как следует припекло... Явившись к ним, я мог бы, конечно, кое-какие детали прояснить и помочь в поисках, но тем самым абсолютно лишил бы себя возможности предпринять что-то самостоятельно. А что бы я им разъяснил? Поверили бы они в то, что я ни в чём не виноват? А если ещё всплывут подмётные письма, писанные моей рукой... Не было бы не сомнений в профессионализме сыщиков, я, может, и помог бы, но... пока подождём. Надеюсь, за это время меня не приشلёпнут. В одну воронку снаряд дважды не попадает. Только из одной ли мы воронки с бедным Мариком? Ух, и ассоциации...

Несмотря на страшную вчерашнюю усталость, проснулся я хорошо отдохнувшим и почти свежим. Валя ни о чём не спрашивала, видно, чувствовала, что со мной что-то не ладно, однако надоедать расспросами не стала. И на том спасибо. Валюха – человек понятливый и душевный. Придёт время – сам всё объясню.

После кофе и первой утренней сигареты я принялся снова раздумывать, что предпринимать дальше. Может, Лёха что-то накопает у моих идеологических недругов, я же, периодически позванивая Толику, постараюсь быть в курсе офици-

альных расследований. Глядишь, что-то сложится в кучку. А может, всё гораздо проще, и я напрасно сгущаю краски.

Пообещав Вале, что непременно осчастливорю её своим визитом ещё раз, я отправился на улицу. Сидеть в четырёх стенах и ждать неизвестно чего было выше моих сил.

И тут мне в голову пришла идея, абсурдная и рискованная, но если задумка удастся, то я спокойно обошёл бы вообще без посторонней помощи. Насколько я помнил из книжек, герои детективов всегда действовали смело и агрессивно, необходимые сведения выколачивали из нужных людей чуть ли не кулаками, не очень полагаясь на помощников.

Из ближайшего телефона-автомата я сразу же позвонил Лёхе и потребовал домашний телефон Пахомова. Тот не на шутку перепугался, и мне пришлось тысячу раз поклясться, что мстить не собираюсь, и с Пахомовской головы волос не упадёт, более того, предводитель местного славянства даже не узнает, кто ему звонит. Наверняка Лёха уже пожалел о своих обещаниях, ведь участие в этой истории, даже косвенное, ничего хорошего ему не сулит. Не говоря уж о журналистской карьере.

Пахомовский телефон долго не отвечал. Наконец, в трубке послышался тоненький голосок дочери доцента-неудачника, радостно сообщивший незнакомому дяде, что папа устал и спит, а будить себя велел не раньше десяти часов утра.

Что ж, время терпит, пока восемь, поэтому развлечёмся

местной прессой, авось, Лёхины коллеги что-нибудь уже написали про убийства. Ох, как развлечёмся...

Накупив в киоске газет, я примостился в скверике на лавке и принялся их внимательно изучать. Многого, естественно, я не ожидал, ведь наши провинциальные журналисты оперативностью не грешат, зато шибко уважают помянуть задним числом всех и вся, компенсируя нерасторопность велеречивостью и пространными, вакуумного содержания рассуждениями.

В первой же из газет я сразу натолкнулся на короткую заметку, безусловно, зародыш будущей сенсации:

«Вчера наш город потрясло известие о двух убийствах. Первое – убийство активиста Еврейского культурного общества Марка Файнберга, совершённое в офисе общества. По всей вероятности, убийство произошло в 15—16 часов. Второе – убийство работника одного из торгово-закупочных кооперативов Александра Скворечникова, тело которого обнаружено на новостройке в центре города. Предполагаемое время убийства – 18—19 часов. Мотивы обеих убийств не ясны, ведётся следствие. Нашему корреспонденту удалось узнать, что, по одной из версий, оба убийства, по всей видимости, связаны друг с другом. Всех граждан, имеющих какую-либо информацию, которая может помочь следствию, просим обращаться в Управление внутренних дел по круглосуточному телефону...»

В другой газете довольно скудный материал об убийствах

был подан уже в рубрике с многообещающим названием «Журналистское расследование». С немалым изумлением я выяснил, что в городе снова объявился серийный насильник и убийца, года полтора назад терроризировавший женское население, но так и не пойманный правоохранительными органами, и вот снова появившийся из небытия, чтобы продолжать свои преступления. То, что раньше жертвами были только женщины, а теперь – мужчины, журналиста не смутило: значит, неизвестный маньяк изменил почерк, ведь никто пока не может это опровергнуть или подтвердить. А может, негодяй даже изменил сексуальную ориентацию...

Ага, снова принялся вычислять я, если милиция обращается за помощью к населению, а бравые газетчики за неимением информации тешат публику плодами своих похмельных сновидений, значит, следствие зашло в тупик. Или из него пока не выходило. То есть, у милиции нет ни одной существенной ниточки, за которую можно потянуть, чтобы клубок начал распутываться. Мне и карты в руки...

Впрочем, это опять только предположение. Какие-то ниточки у них, конечно, есть, и одна из них – разыскать меня. Правильно заметил Толик: если скрываешься, значит, замешан. Любой занюханный сержантик может задержать меня, и будет по-своему, по-сержантски прав. Ведь нет сомнений, что криминалисты скрупулёзно изучают каждый сантиметр и анализируют каждый крохотный факт. А уж моих следов в офисе и на стройке предостаточно. При таких уликах я бы

и сам себя заподозрил...

Плевать! Мною движут не шкурные интересы, и пекусь я вовсе не о собственной безопасности! Рано или поздно всё станет на свои места, и каждый получит по заслугам. Истина восторжествует... Если, конечно, следствие не зайдёт в тупик окончательно или его не направят по ложному пути. А такое может случиться очень просто, я не сомневаюсь. Потому и лезу в бочку – пытаюсь помочь, хоть они о том и не ведают.

Два часа на лавочке пролетели незаметно. Я пытался читать в газетах и другие статьи, но в голову ничего не лезло, лишь на языке вертелись фразы, которые я скажу Пахомову по телефону. Роль разгневанного урки, задуманная мной, не очень вдохновляла, однако это было частью моей абсурдной идеи.

Наконец, время истекло, и я снова пошёл звонить.

– Проспался, козёл? – вместо приветствия прохрипел я в трубку Пахомову. – Попил нашей кровушки и дрыхнешь, мразь?

– Кто это? – дрогнувшим голосом спросил Пахомов, не опомнившийся со сна. – С кем я говорю?

– Не догадываешься, паскуда? Думаешь, у вас в городе все евреи такие зачуханные, что и постоять за себя не могут? Я только-только с поезда, мне звякнули, что твои пацаны натворили в нашем офисе, потому и прилетел.

– Откуда прилетел? – ошеломлённо спросил Пахомов.

– Откуда надо, оттуда и прилетел, и пара крепких парнишек со мной. Поиграем в войну, а? Пока с вашей конторой не разберёмся, не улетим, и не надейся. Из-под земли козлов достанем...

Пахомов испуганно икнул на том конце провода и замолчал.

– Слушай внимательно. – Я старался не терять набранного темпа. – Бродяга я справедливый, за это меня и на зоне уважали. Невинного в жмурики не подпишу. Но и тёрки наподобие ментовских мне вести некогда. Отдай по-хорошему того, кто подписал Марика, я его разберу на запчасти, а тебя не трону. Даже денег твоих откупных не возьму. Кончу дело – и веники. А то, гляди, передумаю, с тебя начну...

– Мы тут не причём! – опомнившись, затараторил Пахомов. – Это какое-то недоразумение! «Союз православного народа» – не террористическая организация. Кому-то выгодно подставить нас...

– Кончай пургу гнать! – рявкнул я. – Мне плевать, кто вы. Ты мне человечка отдай взамен убитого, а там посмотрим.

– Что вы вообще от меня хотите?! – окончательно пришёл в себя доцент и взвизгнул: – Я сейчас в милицию позвоню, и она вас...

– Звони, – хмыкнул я, – пока звонить будешь, я к тебе мигом прикачу – адресок имеется! – и тебя вместе со всей твоей семейкой... под самый корешок! Как ёлочку... Телефон остыть не успеет... Менты трупики примут!

Минуту я слушал в трубке тяжёлое прерывистое дыхание, после чего Пахомов взмолился:

– Ну, что вы от меня хотите?! Я же сказал, что мы здесь не причём! Это какое-то недоразумение. Как мне вам доказать?!

Я сделал вид, что раздумываю, и выдал домашнюю заготовку:

– Значит, так. Через час ты подвалишь туда, куда скажу. Тебя будет ждать человек, с ним пойдёшь ко мне, а тут всё обкашляем. Если крови на тебе нет, значит, придёшь, не затормозишь. Не придёшь или что-то ещё накосячишь – считаю, что ты замазан, тогда берегись. Ментов в это дело подпишешь – ещё хуже будет. Я бродяга залётный, меня тут никто не знает, а с тобой я за пять минут посчитаюсь. И с бабой твоей, и с дочкой...

Пахомов даже застонал:

– Но я же говорю...

– Сейчас я говорю, а не ты! – жёстко оборвал я его. – Не воняй раньше времени, во всём разберусь чин-чинарём. Если ты чист, можешь спать со своей бабой спокойно, а уж за мокруху, сам знаешь, ответить надо.

Я назначил ему встречу на одном из людных перекрёстков в самом центре города и сказал, что моего человека он узнает по букету цветов, будто бы тот ожидает женщину. Пахомов что-то ещё попробовал выторговать, но я сразу бросил трубку.

Конечно, ни на каком перекрёстке появляться с цветами я не собирался. Лучшего способа подставиться и не придумашь. Расчёт мой был прост: достаточно понаблюдать со стороны, явится ли Пахомов на переговоры. Если его не будет или явится со своими «бойцами», которых я всё чаще за последнее время встречаю на улицах города, значит, никаких объяснений с «заезжим гастролёром» им не надо, к боевым действиям они готовы, а следовательно, имеют какое-то, пусть косвенное отношение к погрому в офисе. В этом случае постараюсь хоть зрительно запомнить кого-то из них. Если же Пахомов придёт один – а это почти невероятно! – значит, «Союз» и в самом деле ни при чём.

План, конечно, убогий. Возможно, с элементарной логикой не очень-то согласуется, но это лучше, чем сидеть и ждать, пока что-то прояснится само собой.

До одиннадцати – назначенного времени нашей встречи на перекрёстке – оставалось ещё минут сорок. Неспешно купив сигарет, я заглянул в цветочный магазин и выбрал букет гвоздик, который завернул для конспирации в газету. И лишь снова прокрутив в голове свой не шибко хитроумный план и махнув рукой на непредвиденные обстоятельства, отправился к перекрёстку.

Место я выбрал на редкость удачное, видно, во мне всё же была какая-то очень тонкая и недоразвитая детективная жилка. Две троллейбусные остановки, на которых с утра до вечера уйма людей, несколько больших магазинов и учре-

ждений – здесь затеряться легко, тем не менее, всё на виду. Если за кем-то наблюдаешь, то можно находиться в двух шагах и оставаться незамеченным. Я покрутился некоторое время и решил, что всё складывается как нельзя лучше.

За пять минут до одиннадцати я выбрал какого-то скучающего кавказца в кепке-аэродроме и широких полотняных штанах.

– Выручай, брат! – хитро подмигнул я ему. – Девушку жду, вопрос жизни и смерти! И понимаешь... подпёрло. Надо в туалет лететь, а она с минуты на минуту подойти должна. Увидит, что меня нет, обида навек!

Кавказец расплылся в улыбке:

– Красивая?

– Самая лучшая в мире! Ты её задержи до моего прихода, заговори ей зубы... Отблагодарю!

– А если уведу, пока ты там... а?

– Хорошую девушку не уведёшь, – притворно вздохнул я, – а плохую не жалко.

Я поскорее сунул ему букет, показал место, где надо ждать, и удалился в дверь ближайшей конторы якобы справиться нужду. Из вестибюля сквозь зеркальную дверь перекрёсток был как на ладони.

Ждать пришлось недолго. Ровно в одиннадцать из троллейбуса вылез Пахомов, тщедушный, профессорского вида мужичок с презрительно надутыми губками и бугристой лысиной, плавно переходящей в рыжие бакенбарды, а те в свою

очередь перетекали в редкую бородку, очень почему-то напоминающую детский игрушечный совок. До сегодняшнего дня я видал его всего пару раз, но статьи в газетах, писанные тяжеловесным университетским слогом и полные псевдонаучным бредом про ненавистных жидо-масонов, читал регулярно. Не то, чтобы это было интересно, но какое-то садистское удовольствие я испытывал, уличая его то и дело в незнании истории, Библии и многом другом. В нашем обществе даже была подшивка с подобными опусами. Была...

Вместе с Пахомовым из троллейбуса вылез мордovorот с сизой, по-солдатски гладко выбритой физиономией. Мордovorот поразительно напоминал перегретый пулемёт-максим, в который остаётся заправить ленту с патронами, чтобы начать крошить всё, что попадает в сектор обстрела его узеньких близко посаженных глазок.

Больше с ними никого не было, но я заметил, как по разные стороны от перекрёстка притормозило трое или четверо парней, вопросительно и по-воровски поглядывающих на Пахомова. Хреновенькие они конспираторы, отметил я про себя, но если дойдёт до мордобоя, в обиду ни себя, ни своего предводителя не дадут. Только услышат хозяйское «фас».

Итак, оценим ситуацию. На встречу Пахомов всё же явился, значит, на что-то рассчитывает. По всей видимости, воевать с каким-то неизвестным уркой не собирается, а ребятки ему нужны для уверенности. Ну, и ещё чтобы ненароком

по шее не схлопотать. К реальному мордобою готовятся иначе. А может, после моих телефонных страшилок он уже пришёл в себя, пошептался с единомышленниками и угрозы, конечно же, всерьёз не воспринял.

Вероятней всего, убийство Марика не их рук дело. Расколотить мебель и порвать книги они ещё могут, но поднять руку на кого-то... Не того замеса Пахомов, чтобы организовать убийство. Да и не нужно ему, по большому счёту, лезть в криминал – в других водах он рыбку ловит.

Я облегчённо вздохнул и прикурил сигарету. Хоть Пахомов и дерьмо порядочное, но лучше уж иметь дело с ним, а не с убийцами. Дело не в боязни, просто мерзко и гадко заглядывать в глаза, спокойно наблюдавшие чужую смерть. Впрочем, чувствую, что встречи с убийцей не миновать, но когда она состоится – а я всё-таки не это надеюсь! – буду готов наверняка лучше.

Больше здесь делать нечего, надо потихоньку смываться, пока не засекли. Выходить на контакт с Пахомовым и его ребятами рановато. Ничего, что я их переполошил, зато убедился, что они ни ухом и ни рылом. Значит, есть ещё кто-то, кому выгодно стравливать нас и их. Хотя началось это далеко не сегодня.

О кавказце с букетом можно не беспокоиться. Ну, зацепят его пахомовские ребятки, намнут бока, как они это частенько делают его рыночным собратьям, на том всё и закончится – не еврей же!

Незаметно я выскользнул из своего наблюдательного пункта и нырнул в толпу. На мгновение у меня мелькнула мысль: а что, если убийство всё-таки их рук дело, и они чувствуют себя настолько уверенно и безнаказанно, что могут позволить себе поиграть со мной в кошки-мышки?

Но обдумать эту мысль я не успел. За спиной раздался противный скрежет тормозов, глухой удар и крики людей с остановки. Сквозь мгновенно образовавшуюся толпу я разглядел, как знакомый белый «жигулёнок» с заляпанными грязью номерными знаками на огромной скорости влетел с проезжей части улицы на тротуар и врезался в людей. Мелькнуло испуганное лицо Пахомова, руки мордоворота, заслоняющегося от удара, подброшенный высоко в воздух букет гвоздик, и вдруг среди всей этой беспорядочно шевелящейся и галдящей массы различил на асфальте неподвижные ноги в широких полотняных брючинах. Это был мой кавказец.

Вильнув помятым крылом с глубокими свежими царапинами и набирая скорость, «жигулёнок» влился в непрерывный поток машин и в мгновение ока исчез. Я даже посмотреть не успел, Костик ли за рулём или кто-то другой, настолько всё произошло стремительно и неожиданно.

8.

Определённо кроме нас и «Союза православного народа» существовал кто-то третий, кому выгодно подогревать

заварушку между нами. А при случае ещё и отстреливать нас по очереди, как зайцев на охоте. Мысль, мелькнувшая вскользь несколько минут назад, получила неожиданное подтверждение. Только с какой целью? Натравить друг на друга? Мы и так никогда не были и не станем друзьями...

Если бы это было пахомовской задумкой, наверняка он не подставил бы себя и своего телохранителя под бешено летящую машину. Я же своими глазами видел, как его отбросило в сторону, а мордовороту раскрыло руку до крови. Разыгрывать подобный спектакль перед каким-то мифическим еврейским Робинот Гудом крайне глупо и незачем. Да и вряд ли он до конца в него поверил.

Кто же этот третий? Как узнать?

В ближайшем сквере я присел на лавку и, заслонившись газетой, как матёрый шпион, принялся размышлять. Но опять в голову ничего путного не приходило. Перед глазами стоял перекрёсток, а в мыслях была такая жуткая каша, что я даже ущипнул себя – наяву ли это происходит? Оставалось лишь по-бараньи пялиться в перечитанные вдоль и поперёк газетные строки и краем уха ловить то, о чём беседует отдыхающая на лавках публика.

И это, как ни странно, оказалось не таким бесполезным занятием, потому что весь город был, естественно, взбудоражен вчерашними убийствами, а тут к ним прибавилось сегодняшнее происшествие на перекрёстке.

– Во всём, скажу вам, дерьмократы виноваты, – негодовал

седенький старикашка с шахматной доской под мышкой. – Совсем людей распустили. Вместо того, чтобы о благосостоянии народном печься, перегрызлись между собой, государственные деньги никак не поделят. Мафия, одним словом! А нашему брату только дай волю – всё разворует, всё пропъёт, а что не сумеет унести, так ломает! Ничего святого не осталось...

– Да-да, – закивали головами его коллеги по шахматам.

– А при коммунистах лучше было? – откликнулась широкобёдрая мамаша с двойней в коляске. – Половина людей по тюрьмам гнила, а вторая – сама на себя доносила.

– Много ты, соплюха, знаешь! – кипятился дед. – Ваши умники ещё не то наплетут! Бить лежачего легко и задним числом недостатки подмечать... А тогда порядок был и железная дисциплина! Ляпнула бы на улице лишнего! За пять минут опоздания на работу, знаешь, что было?

– Да уж наслышаны!

– Вот и помалкивай в тряпочку!

– А ты, дедуля, донеси на меня куда следует. Небось, не привыкать...

– Тьфу, засранка! – в сердцах плюнул старикашка и отвернулся.

– Отыщут ли, интересно, убийц? – вмешалась в разговор старушка с вязальными спицами в руках.

– Держи карман шире! – скрипнул обиженный шахматист. – Сейчас никто никого не ищет. А отыщут, так погла-

дят по головке и отпускают на все четыре стороны...

– Я б их отпустила! Я бы этих убийц на площади, народно... – Старушка свирепо взмахнула спицами, показывая, как она расправилась бы с убийцами. – И жалко не было бы! Пускай потом их матери плачут, что вырастили таких сынков.

– Что бы вы понимали в колбасных обрезках! – хмыкнул развалившийся на лавке красноносый мужичонка потёртого вида. – Тут, ёлки-палки, мафии между собой счёты сводят, и правители наши под их дудочку пляшут, а вы кого-то ловить собрались. Да они вас с гавном съедят!

– Откуда у нас мафия? – улыbnулась широкобёдрая мамаша. – Если бы журналисты не придумали, её бы и не было. А теперь валят на неё всё, что сами слепили вкривь и вкось.

– Откуда мафия? От верблюда! – охотно объяснил мужичонка, картинно сморкаясь за лавку. – С одной стороны, евреи, которые раньше Россию по-тихому грабили, а теперь грабят в открытую, и Америка им в этом помогает, с другой стороны, коммунисты, которые денег в своё время тоже нахапали будь здоров. И тем охота всё до конца прибрать, и этим упускать не хочется. Разве вы этого не понимаете? Ну, вы даёте!

– Этими мафиями уже все уши протрубили. То чеченцы, то местные, а то рэкетеры, которые друг дружку отстреливают и ларьки торгашей палят. Спасу от них нет!

– То-то и оно, – обрадовался словоохотливый мужичонка

и сглотнул слюну. — Все они, ёлки-палки, народ гнобят, последние соки сосут, а мы сопли на кулак мотаем и пискнуть боимся. А больше всего виновата ком-рум-пи-рованная верхушка, вот! Правильно дед с шашками сказал...

— Это точно! — поддакнул старикашка. — Совсем распустились негодяи!

— Что дальше-то будет? — взгрустнула мамаша и покосилась на свою двойню. — Заводы стоят, цены выше потолка. Мой, вон, получку принёс, так её на два захода в магазин хватило. А тут ещё людей средь бела дня убивают... Прямо сил нет!

— Хороших людей, небось, не убивают. Когда большие деньги делят, тогда всё и начинается. А у нас денег нет — кому мы нужны?

— А знаете, что сделать надо? — воинственно подпрыгнул мужичонка. — Как на Руси повелось издревле: дать народу топоры и косы — и вперёд, к хренам собачьим эту власть антинародную, а заодно и депутатов продажных... Народ, ёлки-палки, он завсегда прав!

— Сам-то возьмёшь топор? — недоверчиво спросила старушка со спицами.

— Первый пойду громить всю эту трихомудию! За народ, — тут он неожиданно икнул и обдал собеседников густым перегаром, — живота не пожалею...

В другое время я посмеялся бы над подобными разговорами, но сегодня не до смеха. Как ни крути, каждый из этих

людей по-своему прав, даже мужичонка, призывавший к косам и топорам. Последнее, правда, чересчур, и так кровушки пролили достаточно, но ведь и люди-то с каждым годом живут всё хуже – это ли не повод для размышлений? Только кто сейчас объективно разберётся в происходящем?

Повсюду – дома, на работе, на улице, в троллейбусе – все только и говорят об одном и том же. Но лишь сегодня ужас происходящего напрямую коснулся меня и моих друзей, и я по-настоящему почувствовал глубину той пропасти, в которую катимся все мы без различия на сословия и национальности.

Кто же виноват? Исконный российский вопрос, ответа на который так никто пока и не нашёл. А виной этому, наверное, дурацкая наша совковость, нежелание что-то делать, думать собственной головой, зато сильна – ой как сильна в нас! – неистребимая тяга искать виноватых, вычислять скрытых недоброжелателей, переваливать свою вину на более удачливого соседа. А ведь большего врага, чем сам себе, и найти невозможно! Благие, в общем-то, идеи построения общества социального равенства – не глупой уравниловки! – мы умудрились извратить настолько, что и сами не заметили, как превратились в рабов, которые не ведают своего хозяина. Старых идолов свергли, а взамен их нагородили новых, наивно полагая, что они будут лучше. В придачу к ним сразу народились подонки, оседлавшие бывшие лозунги и сочинившие свои, не менее безумные, а эти подонки при-

нялись поспешно строить желанное светлое будущее в собственных уютных квартирках. Вот тогда-то остальным, обманутым и обделённым, и начали приходить на ум старые проверенные косы да топоры. Но, как часто бывает в моменты глобальных социальных перемен, вместе с водой из купели выплеснули и ребёнка. Образовавшийся вакуум, естественно, начал втягивать всевозможную муть и мерзость, которые были всегда, но не вылезали наружу, а ждали своего часа. И эта мерзость начала привольно расползаться вокруг. А что нас ещё ждёт?..

Вот какие у меня мысли в голове бродят! Не только о своих еврейских делишках задумываемся...

Между тем, спор на скамейках перерос в самую настоящую перебранку. Шахматный дед, отстаивающий идеи тоталитаризма, подвергся яростным нападкам старушки со спицами, явной поклонницы демократии и одновременно публичной смертной казни. Её из женской солидарности поддержала широкобёдрая мамаша. Мужичонка, призывавший к топорам и косам, как бы парил над всеми, не очень вникая в суть перебранки, но время от времени подбрасывая новые кровожадные лозунги и косясь на собеседников хитрым нетрезвым взглядом.

– А вы что думаете по этому поводу, мужчина? – зацепил меня старик. – Вы уже полчаса газету на одной и той же странице читаете и всё наверняка слушаете. Разве я не прав? Объясните хоть вы этим олухам царя небесного!

Встретать в бессмысленный спор я не хотел, потому поскорее встал с лавки и отправился дальше по улице.

На глаза мне попался телефон, и тут я вспомнил про Толика. Но ни дома, ни в милиции его не оказалось. Наверняка вместе с остальными блюстителями он сейчас на перекрёстке, где произошло убийство кавказца.

Хоть я и не очень надеялся дозвониться до Лёхи по редакционному телефону, но его, как ни странно, позвали, и он, волнуясь, тут же затараторил:

– Слушай, старик, тут у нас такие события происходят...

Невольно я отметил, что если Лёха стал называть меня «стариком», значит, отношения между нами потихоньку налаживаются. Нет уже прежней враждебности и агрессивности.

– Понимаешь, собирает нас утром в самом спешном порядке главный редактор и вещает, мол, номер, который сегодня запускаем в типографию, нужно задержать и срочно переверстать. Вернее, не весь номер, а вторую полосу с аналитическими материалами и полемикой. Всякое, конечно, в редакции случалось, но чтобы в одночасье всю полосу драконить... Мы вой подняли: как, что, почему? А он, мужик жёсткий, бывший обкомовец, знает, как рога подчинённым обламывать. Правда, поначалу без крика объяснить пытался, дескать, появилась большая актуальная статья о причинах экономических неурядиц, росте преступности, мафиозных дележах сфер влияния, отсутствии порядка и прочем бар-

даке. А главное в статье – выводы о неспособности нынешних властных структур контролировать ситуацию и принимать действенные меры. Ну, очень решительные выводы... Мы опять галдеть: откуда статья, кто её автор? А главный упёрся, мол, не ваше дело, лучше помалкивайте, ваше дело не хрюкать, пока под нож не отправили...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.